

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

НИК

ОДИНЦОВ

МУСТАХЕРЫ

Абсолютное оружие

Ник Одинцов

Мустанкеры

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Одинцов Н.

Мустанкеры / Н. Одинцов — «Эксмо», 2017 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-004519-8

Последняя война унесла много жизней. Однако человечество не исчезло. Из руин поднимается новая цивилизация. Главным развлечением выживших становятся поединки боевых машин. Тихон Дежнев и его друзья – чемпионы танковых турниров. Обстоятельства заставляют Дежнева отправиться в пустынные земли на юго-востоке. Здесь, на краю обжитых земель, их называют «мустанкеры». Тихону предстоит открыть тайну своего прошлого и понять, какую роль в его жизни играет недоступный орбитальный город Ариэль...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004519-8

© Одинцов Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ник Одинцов Мустанкеры

Серия «Абсолютное оружие» основана в 1996 году

© Одинцов Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Кто управляет прошлым, тот управляет будущим.
Джордж Оруэлл*

*... Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь
им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи,
и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий
неправду.*

Откровение Иоанна Богослова. Апокалипсис, ст. 14;15

Пролог

Орбита Земли

Ариэль

На каменистой равнине цвета старого кирпича раскинулась блестящая сеть. В перекрестье серебристых нитей застыли слюдяные озера. Из них взошли стройные белые башни, верхушки которых напоминали нераскрывшиеся бутоны лилий. Сеть охватывала плато и город на нем.

На возвышении поблескивали купола жилых кварталов. От тонких насестов-мачт стартовали букашки летательных аппаратов.

– Вот здесь, обратите, пожалуйста, внимание... – Докладчик, изящный брUNET в облегающем серебристом костюме, потянул на себя вогнутую поверхность экрана, а затем плавно развел руки в стороны, точно собирался начать некий причудливый танец. Изображение послушно раздалось, охватывая зал и сидящих в лектории людей. Теперь кресла стояли прямо на красной равнине, а там, где застыл лектор, поднималась из озера башня-лилия. Вблизи она не казалась тонкой и крохотной. У парапета широкого бассейна сустились муравьишки. Люди в промышленных каргоскафах, машины, груженные стройматериалами. Сеть на поверку оказалась толстенными пучками проводов, натянутых между башнями.

Воздух над бутоном башни-лилии вихрился и плыл, плюясь электрическими разрядами.

– Да-да, совершенно верно, коллеги. Перед вами злополучный Узел-14561 площадного терраформера «Сирокко», – докладчик откашлялся, – последние мгновения перед катастрофой. Эти данные пока не обнародованы, поэтому все устройства в зале будут заблокированы. Приношу извинения за неудобства. Теперь следите внимательно, через секунду заработают насосы.

На равнине люди и машины освобождали периметр вокруг бассейна с башней. Вдоль стебля гигантского цветка побежали предупреждающие огни. Земля дрогнула, и на глади пруда зародились один за другим три водоворота. Могучий стебель завибрировал и исторг высокий столб белесого пара.

– Четвертый насос! – объявил докладчик.

Образовалась четвертая воронка и закончила симметрию водоворотов вокруг башни.

– Главная центрифуга!

Вода у подножия башни вскипела. Столб белого пара поднялся еще выше. Можно было видеть, как вокруг него быстро формируется огромное облако.

Внезапно что-то в работе машины изменилось, напор снизился, и от бассейна в разные стороны рванулись змеи черных трещин. Башня покачнулась, водовороты вскипели, взорва-

лись, выплевывая блестящие от влаги дымящиеся обломки механизмов. Обломки гигантских ворот смертельным дождем обрушились на бегущих прочь людей.

Избавляя зрителей от неприятных подробностей, камера поднялась над аварией. Стали видны масштабы катастрофы. Там, где минуту назад простиралась равнина и покоилась блестящая сеть терраформера, тянулись и ширились черные провалы, скалились острыми краями чудовищные разломы. Кое-где ячейки держались, но большая часть построек была разрушена. Над пустыней истончались и таяли величественные кучевые облака.

– В результате аварии под угрозу была поставлена вторая очередь освоения марсианской равнины. Ущерб составил более двухсот миллиардов энерго. Погибли шестьсот восемьдесят пять человек. Некоторые генетические линии утрачены навсегда: техники и операторы с безупречной репутацией, специалисты высокого класса. Потери, которые мы не можем себе позволить, – продолжил докладчик.

– А что с мальчиком? Что с Костей Лосевым? – послышался обеспокоенный женский голос.

– Костя Лосев, первый человек, родившийся на Марсе, – вне опасности. Однако из-за перебоев, возникших в работе автоматического акушера, его мать, Алия, погибла. – Докладчик грустно покачал головой. – Мальчика взял под опеку Лунный Университет.

– Я слышал, у него проблемы с мозговой активностью? Говорят, он неадаптабелен, – заметил пожилой человек в плотном красном комбинезоне.

– Да, верно. Недостаток воздуха, по причине которого погибла Алия, повлиял на мозг ребенка. Вот к чему мы пришли: генетически безупречный человек не может стать полноценным членом общества!

Докладчик выдержал долгую паузу и продолжил:

– Однако давайте же спросим себя, почему это произошло?

– Институт геологии не может нести ответственность за эту трагедию, – сказал, поднявшись с места, нервный худой мужчина с черной окладистой бородой. – Мы представили комиссии данные отчетов. Все необходимые исследования были проведены в полном объеме. Ничего подобного не должно было случиться.

– И тем не менее случилось. Как вы объясните это, доктор Машин?

– Я уже говорил, – ответил мужчина и дернул щекой, – мы столкнулись с новым явлением. Мы еще плохо знаем Марс. Чтобы понять земную геологию, понадобились века исследований. Века, черт побери!

– То есть вы не исключаете подобных ситуаций в будущем?

– Разумеется, не исключая. Поймите, мы идем через неведомое, где каждый шаг может оказаться последним.

– Каждый шаг может стать последним, – повторил человек в серебристом костюме, обвел взглядом зал и вновь обратился к ученому: – Не беспокойтесь, комиссия исследовала ваш отчет и не имеет претензий.

В зале зашумели, и оратор поднял руку, призывая к тишине.

– Однако слова доктора Машина подводят нас к неприятному, но, увы, неизбежному вопросу. Достанет ли у нас в будущем сил, чтобы парить, не опираясь на Землю? Каждая авария, каждая смерть – это губительные траты ресурсов. Пришло время оглянуться и подумать, так ли хороши были принятые в прошлом решения. Возможно, стоит более пристально взглянуть на оставленный некогда дом? Иначе весь Ариэль, лишенный поддержки прародины, рискует разделить судьбу несчастного Кости Лосева!

– Вы оспариваете мудрость принятых решений? – уточнил высокий старик с буйной седой шевелюрой и пышными усами, поднимаясь из кресла. Даже равнодушный наблюдатель ощутил бы ауру силы и власти, окружающую седого великана. – Вы молоды, Дюлак. Вот в чем беда. Вы не видели, из какой темноты нам пришлось подниматься. Не видели, каких усилий

стоило отделить деградантные линии от перспективных. Это была битва! Настоящее сражение за будущее! А теперь вы предлагаете нам снова окунуться в грязь? Этого не будет!

– Но мои генетики утверждают, что из оставленного материала зародились новые линии. И они чисты. Ваша собственная доктрина подтверждает это, Арсений Велинович. Кроме того, я не говорю о возвращении, но лишь о более плотном взаимодействии. Подумайте, какие выгоды сулит источник восполняемых ресурсов, – осторожно возразил докладчик.

Седой долго жег оппонента взглядом, потом неохотно кивнул.

– Бог с вами, Анри! Ведите свою игру. Я не могу этого запретить. Но вам придется довольствоваться только собственными силами. Совет не выделит ни одного энерго на эти прожекты, пока вы не представите реальных результатов. А вы, доктор, исследуйте феномен марсианских провалов. Чем быстрее, тем лучше, – подытожил седой и вышел на середину зала, оттеснив Дюлака.

Нетерпеливым и резким жестом он выключил экран.

– Человеческая эволюция всегда была связана с борьбой. Вселенная бросает нам вызов, и мы ответим так, что она содрогнется! – прогремел глубокий и грозный голос Арсения. – Преображение Марса состоится во что бы то ни стало!

Когда лекторий опустел, к Дюлаку подошла высокая загорелая женщина в строгом деловом костюме. Все в ее облике казалось аккуратно и упорядоченно, кроме прически. Волосы пышной каштановой гривой спадали на плечи, перехваченные на лбу тонким серебряным обручем.

– Почему вы улыбаетесь, Анри? Совет не ратифицирует ваш проект. Финансирования не будет.

– А! Ерунда! – Дюлак подскочил к женщине и закружил ее в танце. – Это победа, ма шерри! Победа! Старый конкистадор не понимает и не принимает этого. Он настоящий воин. Он нужен здесь. На передовой. Вы его слышали? Вселенная содрогнется! Каково? На месте вселенной я бы задумался. А вот другие... Среди них дети торговцев. Они не упустят выгод, которые даст восстановление старых связей. Сегодня зерна упали в благодатную почву.

– А как насчет погружения в грязь и темноту? – Женщина аккуратно высвободилась из объятий Дюлака. Видно было, что внимание ей приятно, но в данный момент нежелательно.

– Я не боюсь темноты, ма шерри, и грязи тоже. Мои предки сделали состояние на разведении свиней. Вот где была грязь! – улыбнулся брюнет. – А что с продолжением вашей линии? Вы с мужем прошли тест Крейцера?

– Нет. – Женщина потупилась. – Николай считает, что значимость доктрины Крейцера... сильно преувеличена.

– Вот как? – протянул француз, и его брови удивленно поползли вверх. – Нужно было вашему супругу сегодня выступить. Вместе мы бы раздавили председателя.

– Муж сейчас на Луне. Стажировка... – вздохнула женщина.

– А! Значит, вы свободны этим вечером. Как насчет того, чтобы отметить нашу маленькую победу?

– Вы так уверены, что победили, – проговорила собеседница и в сомнении покачала головой.

– Я не уверен, ма шерри, – провозгласил Дюлак и провел ладонью по глазам. – Я чувствую!

Москва

Тихон Дежнев

Предчувствие. Это как заглянуть в конец книги и против воли узнать финал. Неправильное, тревожное ощущение. Тихону Дежневу, восходящей звезде Красных танковых боев, была знакома эта тревога. Иногда она спасала от поражения в поединке, иногда накатывала мутной волной и уходила без следа. Но сегодня у предчувствия было направление: оно толкало его домой! Скорее домой!

Тихон, словно в тумане, вышел из дверей танкобара на Сретенке, отеснил возмущенных людей на остановке и вскочил в отбывающую капсулу струнника. Серебряные нити-струны и система постоянно курсирующих пассажирских капсул заменили большую часть общественного транспорта в послевоенной Москве. Смысла восстанавливать всю уличную сеть не было: слишком много еще не разобранных завалов, воронок от снарядов и бомб. В некоторые кварталы и заходить-то страшно. Что там обитает, в заросших бурьяном и папоротником опустевших дворах, – одному богу известно. Куда проще проскочить над опасными местами в уютной капсуле и выйти в спокойном районе.

Тихон рассеянно следил, как плавно проплывают под ним кварталы старой Москвы. Вот показалась Лубянка, затем Тверская, яркая зелень лип над Бульварным кольцом и уродливый кратер на месте здания ТАСС.

Капсула сместилась вправо, прошла над Большой Никитской и устремилась к Новоарбатским высоткам-книжкам. Их осталось всего две: в одну врезался боевой самолет, две другие не пережили бомбежек. А вот и старый Арбат!

Тихон вышел из лифта и сразу попал в вечное арбатское многолюдье. «Поэмы из самого сердца!» – возвещал нахальный стихомант с рыжей бородой. Из его груди брызгала фальшивая кровь, на лету превращаясь в бабочек и бутоны роз. «Гадание по старым книгам!» – несло справа. «Разоблачение лживых предсказаний! Недорого!» – кричали слева. «Принимаю ставки на одиночные бои КТБ! Шалый против Громилы! Кому достанется победа?»

– Купи цветок во имя пророка нашего святого Монтана. Всего пол-энерго. Найдешь, что ищешь.

Тихон посмотрел вниз. Полненькая карлица с татуировкой Церкви Новых Монтанистов протягивала поднос, полный ярких бутонов клон-роз.

Технология аватаров давала и такие невинные отrostки. Цветы, животные, насекомые, купленные за небольшие деньги, радовали глаз от часа до суток, а потом растворялись, оставляя аромат духов или пару аккордов из популярной песни.

Тихон заплатил, взял цветок и поспешно свернул в переулок. За его спиной кто-то крикнул: «Желтуха!», и тут же послышались шорох и характерное щелканье: это Арбат расцвел зонтами.

Тихон глянул на небо. Желтые дожди шли все реже, раза два в месяц, не больше, но в воздухе было еще много едкой пыли. Попадание капель на открытую кожу не смертельно, вон деревья и те как-то приспособились, но зуд и волдыри вполне можно заработать.

В дворовом арбатском детстве Дежнев с друзьями-сорванцами на спор выходил под желтуху, а потом прикидывался больным и пропускал занятия в школе. Отец переживал, укладывал его в постель. Давал дефицитные лекарства, поил чаем с баснословно дорогим земляничным вареньем. Как-то раз даже позвонил матери в орбитальный город.

Ольга Аркадьевна редко появлялась дома. Всегда казалась недоступной, слишком совершенной для холодного и грязного мира. Отец относился к ней с благоговением, а Тихон – рав-

нодушно. Особой печали от того, что мама далеко, он не испытывал. Только легкую досаду, как в магазине, когда не можешь купить слишком дорогую игрушку.

Дежнев набросил капюшон, нацепил очки-визоры. Вещица эта была винтажная, довоенная. Старый сервер, встроенный в очки, выдавал прежние названия улиц, магазинов и кафе, которых давным-давно не было, и от этого казалось, что идешь по допотопной беззаботной Москве XXI века.

Встроенный в капюшон плеер тихонько заиграл старую мелодию.

Все поражения и победы суть плацебо,
Все то же небо надо мной, все то же небо... —

выводил давно забытый рок-идол.

Но небо было уже не то. Низкие грязно-бурые тучи изливали на раненый город потоки разбавленного яда. Словно ненависть и горе Серых десятилетий вдруг стали желтоватым раствором и теперь стремились вниз, чтобы утопить мир.

Под дождем Тихон пробирался по переулкам, переходил по мостикам провалы, на дне которых пузырились желтые лужи. Старики говорили, мол, скоро желтуха промоет карстовое нутро Первопрестольной и Москва уйдет под землю, но в это никто не верил.

Вот, наконец, и старый дом № 10 в Плотниковом переулке. Дряхлый робот-консьерж по прозвищу Нилыч приветствовал Дежнева и пожелал ему доброго дня.

Семья Дежневых по сравнению с другими жила неплохо, даже богато. Отец работал на консорциум «Алатырь», восточное крыло транснациональной корпорации «Эбис». Помимо производства источников энергии, «Эбис» контролировала технологию аватаров, занималась развитием систем связи и вооружений. Николай Николаевич Дежнев – один из ведущих специалистов в области тонких коммуникаций, имел приличный доход и большую квартиру в центре. Ему не раз предлагали переехать жить на орбиту, но упрямый ученый не уступал. «Меня интересует взаимодействие людей. Понимаете? Людей! А какое, скажите на милость, взаимодействие в орбитальных городах? Один смех, да и только!» Дежнев-старший отчего-то недолюбливал надоблачных жителей, называл их странным словом «курортники» и, уж конечно, никогда не использовал подобострастное обращение «хевенма» и «хевенпа».

Тихон быстро поднялся по ступенькам на второй этаж, пристально вглядываясь в каждую трещинку старых стен, каждую неровность пола, словно там мог затаиться ответ, разъяснение его тревоги.

Железная дверь в коридор была открыта. Это ничего, отец может забыть, он рассеянный. Вот и вход в квартиру. Индикатор блокировки не горит. Значит, и охрана вся отрубилась. А вот это уже плохо. Дверь, установленная специалистами «Алатыря», напичкана электроникой. Она закрывается автоматически и может выдержать любой удар.

Дежнев напряжился, сжался и медленно вошел в темную прихожую. Привычный запах дома был нарушен незнакомой примесью. Тихон подошел к журнальному столику. Там стоял раритетный дисковый телефон, отец любил разные старинные диковины. Осторожно он отсоединил трубку от аппарата и намотал провод на руку. Медленно вошел в гостиную. Никого. Дальше по коридору, до кабинета отца.

Едкие капли стекали с плаща, вгрызались в паркет. Вот и знакомая дверь, на которую Тихон смотрел снизу вверх, когда карапузом осваивал просторы такого невозможно огромного мира. Где-то тут на стене должны быть отметины роста. Дежнев-старший по старинке прикладывал ладонь к макушке сына и отчеркивал новый рекорд карандашом.

Тихон сверился с показаниями датчика – еще одна обесточенная преграда. Слепо поблескивает мертвая оптика камер. Дверь приоткрыта, и за ней кто-то стоит спиной ко входу.

Дежнев медленно открыл тяжелую створку и бросился на человека, повалил на пол, преодолевая неожиданно слабое сопротивление, накинул провод на шею врага, принялся душить. Вдруг отступился резко, словно вынырнул из-под воды: под ним хрипел Вертолетчик, сосед по лестничной клетке. Он часто приходил к Дежневым, просил займы на бутылку, но тихий, безобидный алкаш никак не мог преодолеть защиту дома.

– Тих... Тишка? Ты? – прохрипел Вертолетчик, тяжело поднимаясь. – Ты не подумай. Я ничего такого... Позвонил, смотрю – дверь открыта, дай, думаю, шкалик у Николаича займу.

* * *

– Я это, за шкаликом я, значит, – вздыхал за спиной Вертолетчик. – Николаич всегда добрый был... наливал. В шашки, бывало, играли... Как же нам теперь-то, а?

Тихон не слушал, во все глаза смотрел на отца.

Доктор Дежнев сидел на старом диване, откинув голову. Седенькая бородка топорщилась сухим ковылем, открывая тонкую шею. По обе стороны от острого кадыка синели темные пятна. Пестрый китайский халат распахнулся, открывая седую грудь, и на ней тоже были пятна.

Инъекции... его кололи. Пытали! Тихон рванулся вперед, наклонился, проверяя пульс. Отец был жив! Нужны лекарства!

Тихон беспомощно огляделся. Он не знал, где отец держит аптечку. Танкиста от ран и хворей лечит бот-ресуректор, после его инъекций и мертвый оживет, а Дежнев-старший вообще никогда не болел. Может, лекарств и вовсе нет или они просроченные? Что же делать?

– Что делать-то будем? – озвучивая мысли Тихона, прохрипел Вертолетчик.

– Дядя Федя, вызови медиков... и полицию. Только быстро надо. Сделаешь? А за мной не заржавеет.

– Сделаю. Сейчас мы живо... – засуетился сосед и скрылся в коридоре.

Тихон вновь наклонился к отцу, провел рукой по щеке.

– Тиша, – чуть слышно произнес отец.

Глаза он так и не открыл.

– Папа... папа! Что ты... кто это сделал? – закричал танкист.

– Тише-тише, ты же Тихон, – прошептал старик, и едва заметная улыбка тронула его бескровные губы, – наклонись ближе.

Тихон выполнил просьбу.

– Думай! – выдохнул отец.

Тихона словно холодной водой окатили. Вспомнились уроки отца. Странные головоломные загадки и шарады. Совсем не то, что в школе, и этот приказ, всегда с нажимом: «Думай! Ты человек, не зверь. Думай! Шевели мозгами!»

Значит, нужно сосредоточиться, а не вздыхать. Игра еще не сыграна.

В дом через дверь никто проникнуть не мог, Нилыч внизу совсем не так прост. Чужой не войдет и не выйдет: старый боевой робот стоит гарнизона. Значит, враг прошел через окно.

Тихон прислушался. Шум желтухи звучал приглушенно, видимо, окно прикрыли, но не до конца, иначе вообще было бы не слышно. Станет убийца прикрывать за собой окно, покидая квартиру? Нет, не станет. И отец, слава богу, жив. Пришелец не добился своего, не нашел то, что искал. Значит... Убийца еще здесь!

Дежнев похолодел, по спине побежали мурашки, накатила дурнота. Он будто и вправду ощутил на себе тяжесть чужого злого взгляда.

Танкист быстро оглядел комнату, привычно оценивая обстановку. Никаких намеков на чье-то присутствие не наблюдалось. В заполненном старинными вещами, походящем на сокровищницу кабинета Дежнева-старшего все казалось незабываемым и вечным. Если противник и здесь, то он мастер маскировки. Затаился, ждет. Как же отыскать такого врага?

Слева на подлокотнике дивана блеснуло – затейливая серебряная пепельница в виде жабы. В пепельнице была спрятана кнопка аварийной активации защиты на случай отключения домового генератора. Если ее нажать, питание пойдет от независимого источника. Сканеры Эбис должны выявить врага. Выявить и уничтожить.

Дежнев аккуратно взял отца за плечи и положил спиной на диван. Теперь он был рядом с кнопкой и сумел активировать жабу. Послышался протяжный квак, и комната тут же погрузилась в красноватый сумрак.

– Вторжение! Опасность! Всем оставаться на местах! – взревел над ухом механический голос.

Синие лучи расчертили помещение.

– Идентификация! – объявил умный дом. – Тихон Дежнев, Николай Дежнев, Федор Маркин, – перечислил механический голос и оглушительно взвыл: – Нарушитель! На территории враг!

Внезапно в углу, возле шкафа, воздух поплыл. Контур книжных полок исказился, словно между Тихоном и стеной была едва заметная невесомая преграда. Нечто прозрачное, но вполне вещественное метнулось к окну. С журнального столика упало несколько книг.

Маскировка пришельца была так хороша, что даже при движении он был практически неразличим. Для глаз, но не для сканеров охранной системы.

С резким щелчком разрядились иглометы-парализаторы, наполняя пространство десятком ядовитых снарядов.

Однако пришелец оказался удивительно ловок. Уклонился стремительно, затанцевал по комнате и прыгнул в окно, сокрушая раму. Он едва успел: охранная система начала блокировать оконный проем бронированной ставней.

Тихон рванулся к окну. Велел дому отключить ставни, выглянул наружу. Желтуха закончилась, в рваное рубище ядовитых туч проникли ослепительные клинки солнечных лучей. В неровном изменчивом освещении маскировка врага дала сбой. Дежнев увидел ползущее по стене существо, лишь отдаленно напоминающее человека.

Стеклянное серебристо-стальное тело двигалось вниз, выпуская из корпуса блестящие псевдоподии. Вот оно оттолкнулось от вертикальной поверхности, приземлилось и замелькало между деревьями сквера, то исчезая, то вспыхивая на солнце. Потом пропало совсем.

Дежнев вернулся в комнату, наклонился над отцом. Тот дышал ровно, и от сердца отлегло. Похоже, выкарабкается.

– Он ушел, отец, дом прогнал его, – сказал Тихон и нежно прикоснулся к холодному влажному лбу старика.

– Хорошо, – ответил Дежнев-старший, открывая глаза. – Помнишь, что лежит в индийской шкатулке?

– Твой жетон, ключ от лаборатории в корпорации.

– Ключ, но не только от лаборатории. Используй его, твоя кровь снимет блокировку... Инструкции... Я кое-что взял у них... Найди, спрячь...

– Отец... Отец, во что ты ввязался?

Тихон, избравший рискованный путь красного танкиста, не раз и не два представлял, как отец стоит над ним, искалеченным, изломанным в лихом поединке, или несет цветы на свежую могилу, а вместо надгробия – корпус танка Охотник и надпись «Лак не вечен». За спиной отца всегда рисовались бывшие возлюбленные в соблазнительных траурных бикини и рыдающие кореша из клана, а еще почему-то Марта Васильевна, наставница по географии и причина многочисленных двоек.

Глупая эта картинка настолько часто возникала перед глазами, что Дежнев практически поверил в придуманное будущее. Но все оказалось иначе: отец лежал перед ним бледный, маленький, невесомый...

Ученый пристально смотрел на сына.

– Извини, Тиша, я не мог иначе. Все вокруг... весь мир – не то, чем кажется.

Глава 1

Три танкиста и кошка

Ветер нес запах сухой травы и пепла. На дамбе горели высокие костры, но их едкий дым сносило на север, к руинам электрогородка, а здесь, у бетонного парапета, дышалось приятно. Тихон оглянулся. В отблесках живого огня силуэты людей и громады боевых машин казались осажденными армией рыжих светляков.

– Эй, Дежнев! Хватит степь смотреть! Сюда ходи давай!

Старый киргиз Карабек подошел, похлопал по плечу. Он уже десять лет проводил бои на дамбе. Уважаемый человек и неожиданно простой. Не то что напыщенные торговцы бронетехникой. Вот они стоят, владыки жизни, маленькие короли большой пустоши. Каждый одет на свой вкус, но неизменно дорого. Только натуральные материалы индивидуального пошива. Никакой тебе синткани или, не дай бог, акватина.

Долговязый, худой, как смерть, Федор Сатнюк одет в раритетный комбез времен войны за Дарданеллы. На голове берет с символикой легендарной Стальной бригады Петрова, раздавившей под Константинополем Железных орлов Ходжсона. Одна серебряная кокарда чего стоит!

А вот в походном кресле расселся толстый хитрец Изатбай, любитель сладких утех. Густая борода окрашена в багряный цвет, в левом ухе тяжелая золотая серьга. За широкий кушак заткнуты украшенные драгоценностями кинжалы в богатых ножнах. Рядом мальчик лет тринадцати, редкий плод любви бледнокожей кореянки и черного нубийца. Смесь азиатской утонченности и животного очарования африканских равнин. Он едва прикрыт отрезком ткани, обернутым вокруг чресел. От плеча через грудь и живот к паху тянется цепочка иероглифов. Вживленный в кожу и слегка мерцающий перечень достоинств и умений – визитная карточка куртизанки. Купец лениво гладит мальчика по бедру, другой рукой подносит к губам мундштук кальяна. В резкие сильные запахи дамбы вплетается пряная нотка гашиша.

А вот этот из заезжих. Модные триопластовые галифе с высокими ботинками на вакуумных зажимах, строгий френч с закосом под милитари. Умная ткань транслирует на грудь и спину скриншоты танковых поединков. Тихон заметил, что картинки одни и те же, и улыбнулся в усы. Спутник сюда не достает, и глобалнета нет. Иначе бы одежда гастролера менялась куда оригинальнее, а так приходится крутить скучный базовый скринсейвер.

– Это что за павлин? – спросил Тихон, тронув киргиза за плечо.

– Большой батыр из Киева. Дан Бог, восходящая звезда Всемирных Танковых Боев, или сокращенно ВТБ.

Всемирные Танковые Бои, где вместо людей сражаются аватары. Участники Красных Танковых Боев недолюбливают вэтэбэшников, считают чистюлями. Однако гибель аватара иногда влечет и гибель оператора. Сознание может заблудиться, а в результате вместо человека получится безвольная кукла.

– Бог, говоришь? – протянул Тихон и присмотрелся к танкисту. Да, несомненно, киевлянин. В Москве так не одеваются. Хотя кто знает, как теперь в Москве?

– Что ему здесь нужно?

– Коллекционер. Старый танки покупает, большой деньги дает.

Карабек достал из кармана серебряную табакерку с тактиолом, открыл, окунул пальцы в красный порошок, зажмурился от мгновенного, как вспышка, и столь же кратковременного наркотического кайфа.

– Изатбай ему три пыльник уже впарил.

Тихон улыбнулся. Пыльниками назывались танки Серых десятилетий. Сегодня на арене ему и его друзьям предстоит встреча с несколькими такими машинами.

Изошренная научная мысль, отточенная практикой многолетних наземных конфликтов, подчас поражала необычными плодами, но куда им тягаться с современными Вожаками и Варягами, Охотниками и Шершнями. Даже танкист-новичок, таких называют «новь», на простейшем танке Славянин нулевого уровня усиления, даст фору любой навороченной машине прошлого. Правда, это только если в пыльнике сидит такой же необстрелянный новичок. Опытного умелого противника недооценивать опасно. У каждого своя непредсказуемая тактика. Старые бойцы говорят: «Одну броню сносил – усы, две брони – борода, три брони – жену в дом vedi!»

Тихон смерил взглядом заезжего позера. Озорное, мальчишеское выражение промелькнуло в темных глазах бывалого танкиста. Стремительным, легким шагом он обошел киевлянина с фланга. Походя сорвал со стеллажа кусок брезента, накинул на голову и пригнулся, скрывая рост. Ковыляя и притворно припадая на одну ногу, Тихон приблизился к коллекционеру и потянул того за край френча.

Дан Бог с удивлением опустил глаза:

– Чего тебе?

– Могу предложить говоруна, – заговорщически проскрипел Тихон.

– Кого? – удивился молодой человек.

– Говоруна. Настоящего. Времен войны за газ.

Для полноты эффекта Дежнев воровато оглянулся.

– Хм, это какая-то техника? Я интересуюсь только старой техникой, – задрал нос киевлянин.

– Техника, техника. Автономный самоходный гранатомет-пулемет. Внушительный боезапас, впечатляющая огневая мощь. В режиме «шейд» практически сливается с местностью.

– А почему говорун? – заинтересовался столичный франт.

– Вот! Вижу специалиста! – восхищенно просипел Тихон. – Говорун умеет имитировать голос. Записывает, а потом транслирует. Подманивает на дистанцию огня. А потом – бах! Коварство, хитрость, беспринципность! Сейчас так не умеют. Берите, господин, не пожалеете.

– Сколько? – видно было, что Дана Бога заинтересовала военная диковина.

– Всего ничего. Вы же собираетесь ставить на сегодняшних боях?

– Разумеется! Мне говорили, что Тихие очень сильны, – кивнул коллекционер.

– О да! Они хороши. Поставьте на них, сколько захотите, а выигрыш поделим пополам.

– Хм, а если они проиграют? – засомневался Дан Бог.

– Тогда я отдам говоруна бесплатно.

– Договорились!

Рукопожатие у киевского танкиста оказалось неожиданно крепким.

Когда Тихон собрался уходить, дело чуть не испортила Алиса. Подошла, принялась тереться о сапог.

– Ваша кошка? – улыбнулся Дан Бог.

– Приблудная, господин. Ходит, где захочет. Желаете приобрести?

– Нет-нет. Кошки меня не интересуют, – засмеялся коллекционер. – Только танки!

Тихон подобострастно захихикал в ответ, глядя в спину уходящему танкисту, а про себя подумал: «Эх ты, Дан Бог, новик некоцанный. Знал бы, что это за кошка – с руками бы оторвал».

* * *

Когда-то давно, в незапамятные времена, люди решили делать в степи ГЭС, возвели дамбу, запрудили реку, поставили турбины. Для обслуживания машин и сооружений построили целый город. Но что-то не срослось. Вода ушла, строительство заморозили, а потом и вовсе закрыли. Дамбу разобрать не успели, началась война. Теперь грандиозное сооружение стало прибежищем отверженных, беглецов и преступников. Здесь торговали старой техникой, наркотиками и людьми, заключали пари и забивали стрелки. И, конечно, проводили танковые поединки. Не Всемирные и не Красные, как в Москве. Некоторые в шутку называли их Танки-Оффлайн, но большая часть здешней публики обходилась вовсе без имен.

Арена, по-танковому «карта», располагалась в руинах электрогородка. Здесь были остовы многоэтажек, скелеты ангаров и поверженный кран, застывший треугольной сетчатой аркой перед выщербленным обелиском недостроенной гостиницы. Была даже истерзанная давней войной мечеть с ввалившимся куполом и остатками стройного минарета.

Парящие трибуны в степи могли позволить себе немногие, поэтому большинство зрителей размещалось на акватиновых и металлических площадках, уступчатым шанхаем охвативших впадину арены.

Покуда не стемнело, в руинах и над ними горели только небольшие светильники и факелы, но во время сражения поле битвы зальет свет мощнейших прожекторов.

Прошли операторы, катя за собой контейнеры со следящими устройствами. Остановились у стойки трибуны, сверились с планом. Один работник открыл контейнер, из которого выбрались несколько паукообразных камер и принялись карабкаться вверх по стойке. Тихон знал, что есть еще целый рой летающих «глаз». Так что при наличии хорошей техники наблюдатель мог незримо присутствовать в самом центре схватки или парить над ней. Гони монету, подключайся и смотри.

– Тих! Бисов сын! Где тебя носит? Наряжаться пора!

Сэмэн Журибеда подошел, хлопнул по плечу. Здоровенный, шумный, он мог заполнить собой любое помещение. В быту с ним бывало неловко, но в бою казак не подводил ни разу.

– Благородный муж никогда не опаздывает, ибо сказано, когда Владыка вселенной создавал время, то создал его достаточно, – вмешался Том, уже облаченный в защитный скаф. Он предпочитал винно-красный цвет. На нагруднике красовался иероглиф «#», символизирующий безмятежность.

– Хорошо.

Тихон дотронулся до затылка, нащупал охватившее волосы кольцо с рельефным узором. Он не видел, но знал рисунок наизусть: два волка, сцепившиеся в поединке. Эта старинная вещица, привезенная отцом из разоренного Квебека, скрывала один из синхронизаторов-эмиттеров, взятых Дежневым-старшим в лаборатории Эбис. По жизни вместе с охотником бегут два волка, черный и белый, говорили индейцы. А какой же из них побеждает? Тот, которого больше кормишь! Дежнев надавил на скрытую кнопку, медленно повернул кольцо, ожидая ответа прибора. И ответ пришел.

Мир расширился, обогатился новыми цветами и красками. Это активировались устройства Тома, Сэмэна и Алисы. Три танкиста и кошка превратились в единое, многорукое, многоногое существо. Тихон ощущал нетерпение Сэмэна, спокойную уверенность Тома и возбуждение Алисы. Он взял кошку на руки и пошел к своему танку. Синхрон Алисы, спрятанный в янтарном шарике, украшавшем ошейник, поблескивал в лучах фонарей.

У защитного периметра, как обычно, толпилось много народа. Торговцы пряностями и вирт-утехами, работники ангаров в потрепанных комбезах, стихоманты в сверкающих огнями

накидках, проститутки всех оттенков и просто залетные бродяги пустошей – все хотели посмотреть на чемпионов.

У команды Тихих пока не было проигранных поединков. Это позволяло поддерживать танки в надлежащем состоянии, заказывать новые покрытия, оружие и запчасти.

Рядом с барьером Тихона ожидал изатбаевский мальчик-эскортер.

– Уважаемый господин, – начал компаньон и поклонился.

– Что хочет от меня почтенный Изатбай?

Тихон не любил торговца. Как и все жители пустошей, тот жил добычей военных трофеев. Однако краснобородый был не прочь ограбить собрата-искателя.

– Почтенный Изатбай шлет вам подарок и скромную просьбу, – улыбнулся мальчик.

– Что за подарок?

– Меня.

Тихон был готов поклясться, что компаньон не сдвинулся с места, но в его фигуре, осанке, взгляде появилось что-то призывное, соблазнительное. Алиса тоже это почуяла, выгнула спину, сладострастно замурлыкала.

Дежнев поежился под броней скафа. Он многое слышал про эскортеров. Говорили, что их выращивают где-то на Окинаве, используя запретные довоенные технологии. Еще судачили о необоримом притяжении, которое умеют генерировать компаньоны вне зависимости от пола. Были случаи, что человек сходил с ума или накладывал на себя руки, неспособный более оплачивать услуги необычной куртизанки.

– Щедрое предложение, – осторожно ответил Тихон и постарался дышать ровно, отключить свое восприятие, ограничившись ощущениями Тома и Сэмэна. Кажется, получилось. Мысли перестали путаться. – Что же за просьбу передает мне почтенный Изатбай?

– О, ничего особенного. Вам следует проиграть один из пяти флагов в этом поединке. Господин Изатбай выставляет сегодня на бой несколько отборных машин. Они должны показать себя.

Конечно, должны. Тихон представлял, как взлетит цена на изатбаевские пыльники, если они смогут что-то противопоставить современным танкам.

– Как тебя зовут?

– Нтохо, господин, – шепнул и еще раз поклонился компаньон.

– И давно ты работаешь с краснобородым, Нтохо?

– Больше полугода, господин.

Что-то промелькнуло в раскосых глазах куртизана. Сожаление? Страх?

– Но ведь эскортеры могут сами выбирать себе клиента. Их нельзя дарить. Разве нет?

Этот вопрос вызвал у мальчика волнение. Он вдруг перестал излучать сексуальность и превратился в обычного подростка.

– Да... это так, но дело в том, что почтенный Изатбай заключил со мной контракт не совсем... обычным способом.

– Иными словами, просто украл тебя и пользуется как раба. Скажи, Нтохо, он бьет тебя?

– Нет, но... грозит избить до крови, если я ослушаюсь, – пролепетал эскортер.

– Ясно.

Тихон разозлился, и это было хорошо перед поединком.

– Передай почтенному Изатбаю, что я ценю его щедрость, но не могу принять дар, а победа Тихих или их поражение – за пределами торга.

– Это его вряд ли устроит, – сказал компаньон и поник головой.

Тихон шагнул вперед, наклонился к самому уху куртизана.

– Пойми, Нтохо, ты правда того стоишь, но я не могу поступиться своим именем. Продав раз, продаешь и дальше. Но это не значит, что мне на тебя плевать. Я постараюсь помочь, обещаю.

С этими словами Тихон прошел за периметр, легко взобрался на трак Шершня и отсалютовал собравшейся толпе. Люди у ангара приветствовали его громкими криками. Алиса, не любившая пристального внимания к своей персоне, вспрыгнула на броню и скрылась в отверстии люка.

Тихон спустился вслед за кошкой, активировал боевую машину. Задал курс, сам оставаясь на виду. Такова была традиция перед поединком. Рядом ожили машины друзей.

Под звуки имперского марша из стародавнего фантастического кино танки двинулись к большим воротам – въезду на арену. Вот и портал, украшенный фрагментами танковой брони, закопченными пушками и траками. Створки медленно открылись. Теперь можно скрыться в кабине и включить интерком.

На сгустившихся в воздухе экранах показались лица Тома и Сэмэна.

– Все готовы? – мягко, даже ласково спросил Тихон.

Его негромкие слова прозвучали в тишине кабины решительно и со значением.

Том прикрыл раскосые глаза. Затем открыл их и произнес:

– Ни небо, ни земля не обладают человеколюбием, а только лишь предоставляют всем существам возможность жить своей собственной жизнью.

Произнес буднично, как бы между делом и непонятно для кого. Может быть, для самого себя, может быть, для своих друзей-сратников, а может быть, и вообще просто так. Кто же его поймет? На то он и Том.

– А потому що не трэба було пугать вожжика голым задом, – вроде бы невпопад брякнул Сэмэн. А потом добавил, как будто решил внести ясность в сказанное: – Вожжик, вин того – вин иголки мает!

Том надел на голову шлем, поверх старинного хипповского хайратника. Украшение это скрывало в себе синхрон доктора Дежнева. Вскоре глянцева поверхность просветлела и явилось лицо танкиста, подсвеченное огоньками датчиков.

Сэмэн повторил действия друга. Но если все жесты Тома были скупы и четки, словно у мечника перед сечей, то Сэмэн совершал множество лишних движений. При этом он все время кряхтел, бормотал что-то себе под нос, из чего можно было разобрать только:

– От же ж бисова сила...

Тихон и Китаец терпеливо ждали Сэмэна. В конце концов тот косовато приладил шлем на голову. Дежнев прекрасно знал, что все действия казака чистой воды спектакль. Журибеда, как и все жители южной России, имел тягу к мистификациям.

– Ну, ось... От цэ вже гарно... – удовлетворенно сказал Сэмэн и, довольно улыбаясь, оглядел сратников. Синхрон, скрытый в золотой серьге, придавал Журибеде отдаленное сходство с немирными сечевыми предками.

– Ну, стало быть, с богом, – так же мягко подвел итог беседы-переключки Тихон и отдал команду компьютеру.

Мотор взвыл, сталь запела, и боевая машина сорвалась с места. Ошметки грязи прыснули из-под гусениц, словно плюхи из жерла гейзера.

Танки вошли на карту.

Глава 2

Небесный огонь

Тихон резко развернул машину. Из-под траков взметнулось бетонное крошево. Защипели насосы системы охлаждения и силовой гидравлики, компенсируя нагрузку. Пронизанная датчиками ткань ложемента, в которой, точно в гамаке, завис танкист, уплотнилась, сохраняя оператора боевой машины в полном покое, так, словно он и правда отдыхал в любимом кресле. Только руки бойца пребывали в непрерывном движении, превращая танк и человека в единое целое.

После резкого поворота танк Дежнева, Шершень-два, рванулся вперед, скрываясь в узком ущелье между решетчатыми конструкциями парковки и стеной мечети.

В тот же миг асфальт позади вспух чудовищным грибом и прорвался тысячью раскаленных ошметков. Противник из засады-кемпера вел миноментный огонь, сокрушая все кругом. Второй залп накрыл проход между домами.

Тихон успел увидеть вспышку и тут же передал информацию команде, он чувствовал, как Алиса напружинилась, словно ловила мышь. На нее можно положиться, кошка в их связке стержень, именно она делает из них, простых людей, некогда в древности утративших первобытное чутье, настоящих хищников с молниеносной реакцией.

Тут же в шлемофоне послышался короткий вой, потом зловещая пауза, и мир содрогнулся от страшного взрыва.

* * *

Том получил сигнал от Тихона, и его неторопливый тяжелый Варяг медленно двинулся на позицию. Чтобы разогнать машину, Том включил «джет-допинг». Современные танки могли распределять часть энергоресурса, потратив его на активные щиты или залповое ускорение. Бывало, что на последний победный рывок уходила вся энергия. Такой прием отчего-то назывался «марафон».

Том заметил засадный пыльник, снабженный пушкой-минометом Тор. Тонкие пальцы китайца пробежались по образам клавиш в дополненной реальности шлемофона, и тяжелое кинетическое орудие Рельсотрон навелось на цель. Эта пушка самая убойная, но подготовка каждого выстрела требует времени. Немного, всего несколько секунд, но этого иногда достаточно, чтобы более быстрая пушка врага разнесла вашу защиту. На сей раз все получилось удачно, и снаряд, способный пробить танк насквозь, с чудовищной скоростью устремился к цели.

Пыльник взорвался. Изразцы минарета поймали отблески победного пламени.

* * *

Тихон старался не думать про операторов Изатбая. Стальные монстры, в которых краснорылый превратил свои пыльники, могли управляться дистанционно. Однако Дежнев знал торговца достаточно, чтобы быть уверенным: в развороченном, точно перезрелый гранат, корпусе вражеского флагмана находится мертвый танкист. Защитный костюм оператора и умная

броня турнирных танков еще могли спасти от прямого попадания. Но пыльник, даже прокачанный, оставлял человеку мало шансов.

Впереди была знакомая развилка и статуя на пьедестале. Танкисты, знакомые с площадкой, называли его Хан-паша, или попросту Павлик. Участок был сложным, и памятник постоянно оказывался под обстрелом. Некоторые даже делали ставки, оторвет Павлику ногу или руку или вовсе разнесет в клочки. После сражения площадку обновляли, и Павлик воскресал. Хохмачи-картоделы как-то приладили статуе вторую голову, правда ненадолго.

На сей раз флаг разместили около статуи. Он пульсировал красным и красиво развевался на ветру. Вообще флаг – это световая проекция, которая реагирует на специальный датчик на танке, но отчего бы не вписать в программу пару лишних строчек. Чтобы взять флаг, нужно просто в него въехать, и добыча окажется у вас на броне. Дальше – ноги в руки и на базу. Если флагоносца подстрелят, флаг останется на месте гибели и засветится ярче, чтобы игроки видели его издалека. Чужой флаг снова нужно «осалить», а тем, кто в обороне, достаточно проехать через проекцию флага, и тот снова окажется на прежнем месте.

Дежнев въехал на базу противника. Она, как правило, хорошо охраняется, так что самое время было «продопиться». Тихон включил временную дополнительную защиту, усилил огневую мощь и увеличил мощность мотора. Расходники действовали временно: минута, на которую танк становился сильнее вдвое. Вполне достаточно, чтобы выполнить задачу, а иногда и победить.

Алиса предвосхитила опасность: выгнула спину дугой. Тут же из-под обломков жилого дома показалась Химера, один из самых зловещих танков Серых десятилетий. Напалм, главное оружие приземистой машины, мог преодолеть защиту Шершня и перегреть систему, а потом – взрыв... По мощности напалм можно было сопоставить с «жигой», турнирным огнеметом, правда, с гораздо меньшим баллоном, да и перезаряжалась пушка намного медленнее. Однако Тихон был уверен, что в своем новом покрытии «Глина» с дополнительной прокачкой от огня некоторое время он точно продержится. Куда больше беспокоило движение на мониторах: противник был рядом.

Нужно было выхватить вражеский флаг и сразу спрыгнуть в овраг. Только бы не перевернуться...

* * *

Том вернулся на свою базу. С мощным Рельсотроном и бронированным Варягом он мог издалека расстреливать врагов, не подпуская их к флагу. Так мудрее, чем пытаться привезти флаг противника на медленном танке.

Противник не заставил себя ждать. Юркий танк, далекий родственник турнирного Славынина, проскочил между зданиями. Том активировал орудие. Пыльник наехал на флаг, зацепил его. Башня пыльника была повернута в сторону танка Тома. За секунду до выстрела Рельсотрона рывкнула пороховая пушка Дым. Снаряд попал в бортовую броню и чуть сбил прицел, Рельсотрон промазал. Между тем враг нанес машине Тома существенный урон. Еще один выстрел, и Варяг может выйти из строя.

По всему было видно, что на пыльник поставили не просто Дым-три, а экспериментальную, очень редкую Дым-XX. Такая пушка лет пять назад появилась на черном рынке, но агенты прикрыли лавочку, а пушки у танкистов изъяли. С тех пор об этом убийственном сверхмощном орудии забыли. Откуда она у рыжебородого? И главное – как допустил такое Карабек? Видно, Изатбай заплатил хороший бакшиш.

Том знал, что «жаловаться на неприятную вещь – это удваивать зло...». Нужно срочно действовать! Но что тут поделать, если Варяг небыстрый, а Дым перезаряжается моментально, не то что Рельсотрон.

Тому повезло: противник «сновил». На танковом жаргоне это значило «ошибся». Вместо того чтобы добить противника, пыльник принялся уносить флаг.

Том воспользовался передышкой. Повернул башню в сторону удаляющегося танка и врубил «аптечку», «микроботы» стали потихоньку латать броню. В запасе оставался еще один такой «допинг», и это придавало уверенности.

Том включил усиление пушки и выстрелил. Опять не повезло – пыльник успел скрыться за углом здания. Преследовать «флагоносца» на Варяге неудобно. Пришлось врубить «марафон», чтобы ускориться.

«База горит!» – передал Том по связи.

Он повернул башню, включил инфракрасный визор. Вражеский танк с их флагом на корме со всех гусениц летел к своим. Новичок допустил ошибку: он мог бы развернуть башню назад, чтобы отстреливаться, и тогда бы у Тома не было шансов...

Рельсотрон выплюнул кинетический снаряд. Алиса помогала Тому, придав его движениям четкость и точность, но тут случилось непредвиденное: пыльник вильнул вправо. Повезло мерзавцу! А может, и нет. Снаряд снова пролетел мимо, оставив черный шрам на стене дома.

Сзади к базе Тома подбирался другой пыльник, снабженный Близнецами. Спаренные пушки метнули шары плазмы, но за секунду до этого Том успел усилить броню. Близнецы били не останавливаясь, это мешало прицелиться. Пока Рельсотрон был недееспособен, разогреваясь, Том повернул башню так, что при попадании плазмы в корму ее не отвернуло от танка противника, как тот надеялся, а развернуло к нему. Том выстрелил в пыльник и пробил его насквозь. Яркий взрыв осветил окрестные здания. Том сверился с показаниями мониторов. Теперь на базе тихо, но флаг потерян...

* * *

Три танка противника, черные, точно безлунная ночь, готовились дать залп. Вот это уже действительно опасно! Шершень с пушкой Богиня-три был предназначен для того, чтобы быстро захватить флаг и уйти от погони, в крайнем случае бесшумно и стремительно атаковать сзади. Однако вести открытый поединок без поддержки на таком танке равносильно самоубийству. Говорили, идея пушки-вампира зародилась еще во время Серых десятилетий, но смогла воплотиться только на Ариэле. В голове Дежнева помимо воли зазвучали обрывки рекламы ВТО: «...генератор нанороботов, способных воспроизвести или разрушить структуру любого материала! Разрушая вражеский танк – вы помогаете своему! С пушкой Богиня вы получаете божественное преимущество!» Правда, Журибеда говорил, что это все блазня и очковтирательство. Ведь комплектующие с орбиты приходят вместе с печатями. Попробуешь их снять, и товар саморазрушится. Что там запаяно – одному небу известно. Однако пушка стреляла, и никто особо не парился.

Тихон сдал назад и спрятался за угол ближайшего здания. Догоняющие его залпы подчистую срезали статую – до свидания, Павлик!

Богиня всегда ходит под прикрытием. Тихон знал, что и Сэмэн где-то рядом. Нужно переждать. Дежнев хотел объехать здание и попытаться подкрасться к противнику сзади, когда в наушниках послышался бодрый голос Сэмэна:

– Заждался, командир? Ща мы тут легонько подчистим.

Вожак Журибеды был оснащен пушкой Тор-три с микропрокачками. Один из стражей базы попытался сбить прицел Сэмэна, дал залп, но казак успел первым: мины полетели в самый центр скопления вражеских танков, круша слабую защиту. Пыльник с пушками-близнецами взорвался от первого выстрела. От второго залпа почернел и замер пыльник с Огнеметом, третий противник отступил на край площади, укрылся за остовом большого здания.

Тихон ждать не стал, забрал флаг и рванул к базе.

* * *

В наушниках слышался спокойный голос Тома:

– Обычно, находя, мы что-то теряем, а вот теряя 2–1U+0034, редко что либо находим. Отсюда вывод: теряем, увы, чаще...

– Флаг увезли? Понятно! Куда?

– Через овраг.

Это положение в турнирах называлось «размен флагами». Обе команды увезли флаги. Тупик. На базу без флага ставить трофей нельзя. Перво-наперво Тихон «вылечил» танк Тома. Пригодилась Богиня! В турнирных боях ее еще называют «аптека».

– Рельсотрон нужнее тут. Затаись, обожди и береги его.

Тихон сбросил вражеский флаг. Том тут же подобрал его. Он активировал поисковую систему и попытался понять, где затаился флагоносец противника. Можно было взломать один из дронов-наблюдателей или систему любого зрителя: они сейчас видят все как на ладони. Однако это будет против правил Дамбы и грозит дисквалификацией. Том сосредоточился, включил карту. Вот площадь, остов Павлика, дальше кварталы руин и стены арены. Где же ты прячешься?

– У него Дым-XX, – предупредил Том.

Только этого не хватало. Легендарная пушка в свое время навела шороху и в пустошах, и на обитаемых землях. Говорят, что ее разрабатывали по спецзаказу корпорации, но выкрали и стали продавать на черном рынке. Банда Адские Гончие, богатая и влиятельная, купила эти пушки для своих танков и тем самым подписала себе смертный приговор. Озверевших от силы Гончих свистунов «просто» обложили со всех сторон прямо в логове и спалили заживо. Правда, перед этим банда успела разграбить несколько городов в пограничье...

Где же флаг? Вообще проекция флага устроена так, чтобы обе команды видели его изда-лека. Борьба должна быть не на шутку, иначе неинтересно. Ищи рыбу, где глубже... Тихон прикинул, как бы сам скрывался, оценил последний огневой контакт с флагоносцем. Да вот же он! Стоит в овраге. Его никто не охраняет, никто не помогает. Хотя, наверно, он уже связался со своими. Тихону нужно было подъехать поближе, чтобы применить Богиню.

В узком овраге ничего не оставалось, как идти в лоб, но на пушку Дым-XX нарываться не хотелось. Хотя шанс на победу есть: с нановампиром урон будет меньше. Он решил рискнуть, но для поддержки при отходе вызвал Журибеду.

– Выдвигаюсь, шеф, – проворчал казак.

От верной смерти спасли инстинкты Алисы. Хитрый флагоносец заминировал узкий проезд. Первый выстрел Дым-XX снес половину защиты, и, если бы не кошачье чутье, Тихон наверняка словил бы мину.

Он сам поставил мину и сдал назад, скрываясь от прицельного огня. Теперь нужно ждать, кто доберется до оврага первым.

– Ну что, помощь нужна чи сам? – вызвался помочь Журибеда, опередив товарищей флагоносца.

Пушка Тор на танке Журибеды была подготовлена для таких операций. Когда противник скрылся из зоны видимости, можно выстрелить рядом с укрытием, и взорвавшиеся мины заде-нут врага, причиняя урон. Правда, лучше всего для этого подходила пушка Отскок, в просто-народье «Кузнечик», но и такая тоже была в гараже Журибеды. Так однажды казак уничтожил всю команду противника, пять танков на легком корпусе. Он просто стрелял в стены домов, и бешеные плазмощары металась из стороны в сторону, разрушая защиту врага. При этом сам казак получил минимум повреждений.

Такая тактика позволяла закинуть минки в гущу танков противника и взорвать два-три, а защиту остальных ослабить, чтобы их потом без труда добились соратники. Еще казак любил загнать врага в убежище, а потом стрелять по близлежащим стенам или камням. Противник понимал, что сновил, пытался выйти, пальнуть в хитреца, включив «аптечку», дополнительную броню и усилив пушку, но Журибеде помогала Алиса: он все чувствовал и за секунду успевал скрыться. При этом он продолжал давить огнем по предметам, близким к цели, так что взрывная волна снова рушила защиту танка врага. А когда противник из последних сил догонял его и мог попасть без труда, Журибеда успевал выстрелить первым, прямой наводкой, и грозди мин взрывались на броне незадачливого вояки.

– Хорошо стоит, широко. Сейчас мы его трошки погоняем! – азартно вскричал казак.

Однако после первого же залпа пыльник не стал ждать, когда его взорвут. Противник сбросил флаг и посигналил башней, повернув ее вправо, потом влево. Это означало «мир» или «я сдаюсь».

Тихон с облегчением вздохнул. Слишком легко Рыжебородый жертвует своими операторами. Пыльник сдал флаг, деактивировал защиту и покорно ждал, что будет дальше.

Тихон убрал минирование, наехал на флаг, и проекция исчезла. Теперь флаг команды Тихих снова на базе. А вот что делать с противником? Случай-то нестандартный.

– Отпусти его, – скомандовал Тихон, а сам подумал: «Изатбай все видел. Карьера этого танкиста, скорее всего, закончена».

– Как скажешь. Хлопец флаг отдал, пусть идет.

Журибеда не был кровожаден: бить так бить, мириться так мириться.

Над электрогородком загремел марш Мендельсона. Эту мелодию как гимн для своего клана выбрал Тихон. Отец рассказывал, что давным-давно ее по традиции играли при ритуале бракосочетания. Традиция давно забылась: зачем обременять себя формальностями, когда жизнь коротка и может стать еще короче. Для быстрого перехода в мир иной существуют пустынные рейдеры-нарколыги, городские банды и ретивые шерифы, предпочитающие сначала стрелять, а потом разбираться. Но чаще жизнь укорачивают голод, болезни, ядовитые дожди... Тут уж не до Мендельсона.

Все же Тихон запомнил рассказ отца, отыскал на полудохлом сервере мелодию и настоял, чтобы играла именно она. В этом марше была ирония, которую мог понять только хорошо знающий историю человек. Остальные плевать хотели на марш, лишь бы ставка сыграла. Для команды Тихих гимн во время матча означал захват флага. Один – ноль, как говорится.

Легкий корпус Тихона – быстрый, подвижный – предназначен для того, чтобы таскать чужие флаги. Понятно, кто поедет на базу врага снова. Тихон подождал, пока броня восстановится, и рванул вперед.

– Журибеда, прикрой! Второй флаг потянем.

На базе противника стояла подозрительная тишина. Тихон еще с моста стал всматриваться в дома за базой. Противник проигрывал, а Изатбай ошибок не прощал, так что его танкисты должны были что-то придумать или попрощаться если не с жизнью, то со свободой. Продаст их в гнев своем Изатбай какому-нибудь атаману с Пустоши, и поминай как звали. В Неудобьях же разговор простой: или сделают смертником в набеге на город – прицепят плазموбомбу, чтобы пробить защиту стен или взорвать стоянку танков, или заставят работать, добывать полезный металл. Если смазливый – сделают сексуальной утехой для тех бандитов, которые любят подобное, и будешь ты тогда в нагрузку обстирывать мужиков, выносить помои, а в награду над тобой будут всячески издеваться и унижать. Словом, будешь ты уже и не мужчина, но и не женщина. Нечто бесправное, безотказное, аморфное.

Так что от команды противника Тихон ожидал всего, вплоть до подлости. Но оказалось все глупее: Изатбай не стал рисковать своими профессионалами, выставил в бой необстрелян-

ных новов, как видно, рассчитывая на подкуп. Может, и не стоило с ними осторожничать. Впрочем, прыть у них была как у молодого джейрана на случке. После того как команда проиграла один флаг, новики решили скопом ринуться на базу противника, задавить числом. Охранять свою оставили только один танк с пушкой Близнецы.

Когда Тихон и Журибеда въехали на базу, страж показался из-за угла и замер. Танкист, похоже, не понимал, что ему делать одному с двумя сильными турнирными машинами, но все-таки дал очередь. Шершень содрогнулся, но выдержал. Тихон направил машину прямо на вражеский танк, прибавляя ходу и активируя наноботы. Противник вместо того, чтобы сбежать, поехал навстречу.

Они столкнулись. Близнецы стреляли безостановочно, а трудолюбивые дети Богини вгрызлись в броню и одновременно лечили шасси своего танка. Расклад был не в пользу пыльника.

Журибеда воспользовался моментом и атаковал. В несколько секунд все было кончено. «Сик транзит глория мунди», – кажется, так говорили в древности.

Тихон проверил систему. Танк не пострадал. Только легкие царапины. А вот пыльник Изатбая пребывал в плачевном состоянии. Его лобовая броня была покорежена. Орудие сильно повреждено. Кроме того, в сети не наблюдалось активности. Исходящие сигналы и коды управления Близнецами не транслировались. Это значило, что человек внутри был либо без сознания, либо мертв. Тихон минуту колебался, но вспомнил бледное, в холодной испарине лицо отца и полез наружу.

Дежнев ловко соскочил на броню поверженного танка. Пробежал по дымящемуся корпусу и разблокировал люк. Внутри было непривычно сумрачно. Светились красным аварийные индикаторы. Посреди этого мерцания Дежнев различил фигуру человека, безвольно застывшего в жалком подобию ложемент. А вот на защитный скаф Изатбай не поспешил: доспехи на противнике были надежные. Тихон аккуратно высвободил оператора из кресла, уже чувствуя, что под броней есть жизнь, и потянул обмякшее тело на свет. Кроме прочих преимуществ скаф позволял танкисту создавать усилие до трехсот килограмм. Тихон легко разжал зажимы смятого шлема и поглядел на поверженного противника. Ничего примечательного, обычный человек, на вид около тридцати лет. Только на лбу едва видный треугольный шрам – отметина давних битв.

Тихон активировал маяк-эвакуатор на поясе танкиста, а сам полез внутрь своего танка: медлить было нельзя. Уже через визоры танковой телеметрии он наблюдал, как спустилась спасательная платформа.

Теперь нужно к остаткам Павлика, забрать флаг. Из темного проулка слева выдвинулось рыло вражеского танка, а камера заднего обзора показала, что со стороны стадиона приближается еще один пыльник. Это был С-870 «Самсон», тяжелый танк российского производства с двумя дальнобойными пушками и ракетной турелью. Тихон чертыхнулся. Он знал, на что способна такая машина. В общем, два на два, и почти на равных.

Дежнев указал Журибеде цель, и тот дал залп. Угол дома, к которому приближался «Самсон», тяжело обрушился. Улицу заполнило облако бетонной пыли. Теперь врагу понадобится время, чтобы пройти завал и прицелиться. Первый танк тем временем выбрался из проулка и выстрелил бесконечной очередью. На сей раз атака преодолела активную защиту, но корпус Шершня повредить не смогла.

Тихон понимал, что долго ему не выдержать. Казак дал залп, но противник вовремя отступил, невредимый. Тогда Тихон завладел флагом и рванул к своей базе. Из-под завалов выбрался С-870. Пыхнул огнем из одного ствола и промазал, окончательно снеся постамент Павлика. Но сейчас он даст второй залп, и кто знает, спасет ли Шершня современная броня?

Стена ближайшего дома взорвалась, на площадь в шлейфе белой пыли выкатился Журибеда.

– От же ж попляшем! – зазвучал в шлемофоне бодрый голос Сэмэна.

Тихон скатился вниз по переулку, ведущему к вокзалу. Его не преследовали. Противнику хватало проблем с танком напарника. Тихон усмехнулся. У пыльников не было шансов против гнева Журибеды.

Путь до последнего флага прошел легко, ему почти не препятствовали. Пара самоходных турелей, несколько мин и небольшой легкий танк, который предпочел вывесить белый флаг. Уже второй сдавшийся за турнир: все-таки жизнь важнее. Без поддержки легкому танку нечего было противопоставить навороченной турнирной машине, и это вполне устраивало Дежнева. Через синхрон до Тихона докатилась волна радости. Журибеда одержал победу и теперь ускоренным маршем догонял командира. Нужно было спешить, на базе шел бой.

Том выбрал самую правильную тактику против превосходящего, но явно неопытного противника. Если бы пыльники Изатбая пошли все разом, они бы просто задавили медлительный танк. Поэтому китаец заминировал проходы к базе, оставив открытым одно направление.

Наивный пыльник все же сунулся с фланга и теперь застыл с развороченными траками, полностью закупорив узкий проулок. Таким образом, танки выходили на штурм флага по одному, и Том снимал их в два выстрела: выстрелил и снес половину защиты, а сам откатился с линии огня на перезарядку. Как правило, за время перезарядки противник успевал подцепить флаг, но второй залп догонял его, и танк взрывался. Том возвращал флаг на базу, и как раз появлялся новый пыльник. Все повторялось.

Друзья успели вовремя: враг пошел напролом. Одно из зданий, окаймлявших базу, с грохотом обрушилось, и на площадь выбрались сразу три танка Изатбая. Тихон разогнал свой легкий Шершень до максимума, стрелой пролетел по наклонной стене рухнувшего дома и врубил прыжковые ускорители. Среди танкистов такие прыжки именовались Паркурором. Шершень взвился над позицией врага и через мгновение приземлился на площади рядом с алыми цветами захваченных трофеев.

Как только последний флаг был доставлен, прожекторы, освещавшие карту, вспыхнули с удвоенной силой. Над трибунами взвились тысячи фейерверков. Гул боевых машин перекрыли восторженные крики сотен зрителей.

Вместе три танка выехали на широкую площадку перед стадионом. Мощный, в черных подпалинах Вожак Сэмэна, маневренный Шершень Тихона и увенчанный тяжелым рельсовым орудием Варяг Тома.

По традиции танкисты вышли на броню и подняли руки в приветствии.

Люди с летающих платформ бросали в них лепестки синтетических роз, блески и неоновых светячков. Тихон стоял под рукотворным дождем и никак не мог избавиться от глупого мальчишеского восторга, такого же, как испытанный впервые много лет назад на площадке КТБ в далекой покинутой Москве.

* * *

– Так значит, это ваша кошка?

К танкистам подошел Дан Бог. Его чудная одежда все-таки поймала сигнал спутника и теперь транслировала старую военную хронику. Через грудь киевлянина шли советские танки. Даже сейчас в этих предтечах современной техники ощущалась грозная мощь фронтовых машин.

– Надеюсь, вас не обидел мой маленький розыгрыш? – улыбнулся Тихон.

– Да чего уж там, – махнул рукой коллекционер, и сразу стало ясно, что характер у него легкий, незлобивый, – из вас получился прекрасный проходимец. Но как танкист вы просто

неподражаемы! Прекрасный бой! Скажите, почему вы прячете свой талант в этой глуши? Я мог бы поговорить насчет вашей команды. У меня хорошие связи в ВТБ.

– У нас свои причины находиться здесь.

Тихон взял Алису на руки, почесал за ушком и был вознагражден довольным урчанием.

– Вот оно что. Понимаю, – кивнул Дан Бог. – В любом случае позвольте еще раз поздравить!

– А как насчет моей половины выигрыша?

Тихон сжал протянутую руку и продолжил усиливать хватку.

– Какой половины?

Киевлянин попытался отнять руку, но танкист держал крепко. Некоторое время мужчины ожесточенно сопели, мерились силами.

– Бог с вами! – наконец, сдался коллекционер. – Половина денег ваша. Пойдемте получим выигрыш.

Вместе они вышли из ворот арены и направились к кассе, где два внука Карабека, могучие багатуры Чук и Гек, следили за выдачей денег. Люди узнавали Тихона, поздравляли, хлопали по плечу, торопились пожать руку.

Внезапно в людском водовороте Тихон заметил Изатбая. Тот стоял неподвижно, опершись рукой о колонну арены. Изатбай тяжело дышал. Круглое лицо торговца было страшно, глаза выпучены, красная борода торчала петухом. Рядом с ним переминался с ноги на ногу понурый Нтохо. Вот он что-то сказал своему хозяину. В ответ Изатбай наотмашь ударил эскортёра. Мальчик упал. Тогда краснобородый потянул из-за пояса плетень. Замахнулся на лежащего, но ударить не успел. Тихон перехватил его локоть, а другой рукой схватил за грудки. Потянул вверх и толкнул вперед, прижимая торговца к колонне.

– За что обижаешь мальчика, почтенный? Он ни в чем не виноват. Умей проиграть достойно! – выдохнул Тихон в пахнущее гашишем лицо краснобородого.

– С-собака русская! Убью! Кастрирую! – захрипел торговец.

– Смотри, чтоб собака тебе мотню не отгрызла! – рявкнул Тихон и добавил тише: – Увижу, что тиранишь парня, говорить больше не стану. В землю по уши вобью!

Сзади навалились на плечи и тут же отпустили. Тихон оставил торговца и резко повернулся, готовый к драке. На земле корчился громила – телохранитель краснобородого. Над ним стоял улыбающийся Дан Бог. Перчатки на руках киевлянина слегка дымились. По плечам и груди коллекционера гуляли электрические разряды. Выходит, чудный костюм у него не только для понта. Внезапно пришло ощущение опасности. Тихон отскочил в сторону. Вовремя: кинжал Изатбая чиркнул по плечевой броне скафа.

Не задел шею. Вцепиться когтями в лицо! Выцарапать глаза! Тихон понял, что уловил желание Алисы. Выходит, он забыл выключить эмиттер. Дежнев перехватил руку торговца и сжал, используя часть силы скафа. Хрустнули кости. Изатбай завыл от боли, выронил нож и рухнул на колени, баюкая поврежденную конечность. Тихон едва удержался, так хотелось «добавить» торговцу бронированным сапогом в лицо. – Ого! Подкрепление!

Дан Бог тронул Тихона за плечо. Через толпу к ним спешила охрана Изатбая – пять нукеров в легкой броне. Как видно, торговец не взял их на дамбу. Скупец не захотел платить за всех подручных, полагая, что одного мордоворота будет достаточно, и просчитался. Однако коммуникатор Изатбай не забыл. Дежнев выругался и поднял кинжал краснобородого. Встал так, чтобы не мешать киевлянину использовать свой тесла-сют. Дистанционное оружие на дамбе было запрещено, но охрана торговца скорее всего проигнорирует запрет. Тогда придется совсем туго.

Воины вырвались на свободное место. Сразу за кобуры не схватились, и на том спасибо. Вместо этого в свете праздничных огней тускло заблестели ножи из форсированного диаман-

тита. Такой клинок и скаф вскрыет при хорошем ударе, а бить эти парни точно умеют. Матерые хищники, шакалы пустошей.

Тихон прошел серьезную школу, пока пересекал страну, и легко распознавал повадки опытного бойца. Что же делать? Он тут же почувствовал, что помощь близка. Через секунду в круг света ходячей скалой двинулся Сэмэн Журибеда. В правой руке танкист сжимал Клыкач, что-то среднее между бензопилой и абордажной саблей. Журибеда сам придумал и выточил себе это жуткое оружие и управлялся с ним филигранно. Говорил, что вдохновился ножами из довоенной ролевой игры.

– А ну ша, сявки помойные! Ша! Кому сказал?! В шматы порву! – заревел казак, перекрывая шум карнавала.

С едва слышным шорохом и рядом с казаком приземлился Том. Он уже успел переодеться в праздничный наряд из синтшелка, расшитый золотыми драконами, и теперь походил на героя исторических фильмов про кунг-фу.

– Мудрый человек не начинает битвы, не взвесив свои шансы на весах добродетели, – спокойно изрек китаец и стремительно перетек к застывшему у колонны Изатбаю, присел на корточки и заглянул в лицо торговцу. – Взвесив же, не сражается вовсе, – закончил Том и положил свою узкую изящную ладонь на плечо краснобородого.

На первый взгляд безобидный жест произвел магическое воздействие.

Нукеры опустили ножи.

– Что такой, зачем вражда? Никакой вражда на дамба! Хочешь брюхо пырять – Неудобья ходи!

К месту схватки спешил Карабек с внуками. В тяжелой броне багатуры и вовсе казались великанами. С такими скафами можно и на пыльник выходить, подумал Тихон, разглядывая чудные доспехи. Он лишь приблизительно мог оценить огневую мощь мобильного комплекта, но этого было вполне достаточно, чтобы еще больше уважать старика Карабека. В свое время тот забирался далеко в Неудобья и, как видно, знал о них побольше других. В плечевой броне скафандров кроме всего прочего размещались мощные прожекторы. Яркий свет залил площадку.

– Ай, как нехорошо, почтенный, как нехорошо, – покачал головой Карабек, помогая Изатбаю подняться. – Разве я мешаю тебе вести дела? Нет. Зачем правила нарушаешь? Букмекеров ругал, оператора обижал, бранишься, кричишь, на людей нападаешь.

– Я... Я приношу извинения, почтенный... – выдавил краснобородый.

– Я также приношу извинения... И ты, почтенный Изатбай, прости мне мой неподобающий тон. Худой мир лучше доброй свары. – Тихон подошел к торговцу, протянул левую руку, улыбнулся.

Люди, собравшиеся на шум, поддержали мирный порыв танкиста радостными криками. Изатбаю ничего не оставалось, как протянуть руку Тихону и процедить «Мир».

– Вот и славно! – закивал Карабек. – Мир – хорошо. Война – кому нужен?

Изатбай рывкнул что-то нелестное своим стражникам, и те, мрачные, двинулись за хозяином прочь от шума дамбы. За ними пошел и Нтохо. Тихон кивнул ему, и мальчик ответил печальной улыбкой.

– В иных устах слова не стоят и зернышка риса.

К Тихону подошел Том. Китаец явно был обеспокоен.

– Изатбай будет мстить.

– Ой, да не журись, Томка. Чего случилось-то? Ерунда! – махнул рукой беззаботный Сэмэн. – Ну подумаешь, помяли его немного. Покурит гашиша, возьмет себе дивчину на ночь, и все обиды побоку.

– Я ему, похоже, руку сломал, – покачал головой Тихон. – Такое не забывают.

– Ну и что. Срастется, – пожал плечами казак. – Я своему бате как-то кувалдой башку расшиб з переляку. И ничего. К вечеру оклемался старик – даже не материл меня.

– Люди видели, как мы руки жали. Если и будет мстить, то в Неудобьях. Нарушителю мира – позор, – задумчиво сказал Дежнев. – Слушай, Сэмэн, а зачем ты отца кувалдой по голове?

– Та забор робили пид свинятник. Стойку в землю бил, промазал трошки... – махнул рукой казак и вдруг сделался задумчив, замолчал, уставился поверх голов досужего народа куда-то далеко, за темный занавес низких туч, и добавил уже тише, напевней: – Свиньи у нас были гарные. Бегемоты – не свиньи...

– Что это? – Том указал рукой куда-то вправо и вверх.

– Бегемот, Томушка, це така здорова скотина... – начал было Сэмэн и тоже оторвался от воспоминаний, поднял голову, всматриваясь в вечернее небо. – От же ж! Что за блазня, туда его в рог?

В ответ с высоты раздался тяжкий нарастающий гул.

* * *

Огненный червь прополз в низких грозовых тучах над степью. Пламенный хвост пересек небо над дамбой. Люди оторвались от подсчетов и развлечений, подняли головы. Многие бросились к парапету.

Тихон взбежал по ступенькам арены, мигом перескочил на балку перекрытия, подтянулся и удобно устроился на широкой площадке двутавра, пристально вглядываясь в летящий объект.

Тот, наконец, показался из облаков. На миг вспыхнул маленьким солнцем, стремительно клонясь к земле, и скрылся в безвидной темноте ночной степи. Тактические визоры в глазных линзах танкиста компенсировали излучение, сделали картинку четче, и Дежнев успел заметить, как нечто вытянутое и блестящее, окруженное ореолом пламени, скользнуло вниз. Через секунду пришла волна. Словно невидимый великан ударил в старые камни дамбы упругим кулаком. Взвихрилась пыль, погасли огни факелов. На миг заложило уши.

– В Кум-Дала упал, – покачал головой старый Карабек, когда Тихон спустился со своего насеста, – гиблое место.

– Все равно искать пойдут, – пожал плечами Тихон.

Он говорил нарочито спокойно, скрывал свой интерес. Однако рука танкиста невольно потянулась к груди, пальцы нащупали под одеждой медальон – подарок отца.

Про Кум-Далу ходили странные истории. Говорили, что трава там черная и ломкая, как стекло, а камни светятся по ночам, что электроника там сходит с ума и компас не показывает на север. Именно в Кум-Дале было наибольшее сосредоточение военных объектов, кое-кто поговаривал, что в сердце гиблой пустоши даже есть космодром. Однако люди, ходившие туда, гибли или умирали от неизвестных хворей. Постепенно в среде охотников за военными артефактами черная степь стала мерой расстояния, пределом дальности вылазки. Человек, который доходил до края Кум-Далы и безболезненно возвращался, мог по праву называться знатоком Неудобий.

Люди покидали дамбу группами и поодиночке. Одни поднимали в воздух летательные аппараты, другие выруливали на старое магнитное шоссе и стремительно уносились к темному горизонту.

Ангарный поселок, где обитали три танкиста и кошка, был прекрасно виден с дамбы. Сверкал в отдалении россыпью огоньков, точно забытое кострище. Друзья всегда добирались туда танковым ходом.

Оказавшись в ложементе своего танка, отделенный от окружающего мира «умной» броней и слоем защитной краски, Дежнев всегда испытывал чувство уютного умиротворения, словно вернулся домой. Прежде чем врубить двигатель, он извлек на свет отцовский медальон. Ровная стальная пластина холодно поблескивала перед глазами. Тихон достал нож и уколол палец. Потом провел им по пластине, так чтобы кровь попала на поверхность медальона.

Через секунду из глубины металла возникло лицо отца. «Привет, Тишка! – быстро сказал доктор Дежнев. – Запомни, пожалуйста, эти данные...». Затем на поверхности медальона на некоторое время проступила рельефная надпись «50_5_25.05 67_5_33.11». Тихон привычным движением просканировал запись и тут же спроецировал ее перед собой в воздухе. Алиса заинтересованно мурлыкнула, протянула лапку, пытаясь достать призрачные символы. Набор из четырнадцати цифр, который привел бедового танкиста и его друзей на границу Неудобий. Дежнев скопировал данные с глазных линз и запустил аналитику баллистики. Через минуту компьютер выдал результат. Тихон спроецировал новую цепочку цифр рядом с первой. Сличил, вздрогнул. Надписи были идентичны. Полного совпадения Дежнев ни разу не видел. Получается, объект упал в Кум-Далу не случайно? И что тихий московский ученый забыл в этом опасном глухом месте? Этот вопрос Тихон задавал себе много раз. Но так и не нашел ответа.

– Ладно, кошка, поедem-ка домой. Утро вечера мудренее, – подытожил Тихон. Он включил двигатель, проверил систему и направил боевую машину к мерцающим огням поселка.

Москва

Тихон Дежнев. Сэмэн Журибеда

В комнату вошел Вертолетчик, а следом за ним высокий полицейский в форме старшего городского. По случаю желтухи блюститель закона был упакован в полный доспех и глухой шлем. Лицевой щиток был настроен на минимальную прозрачность, так что лицо городского едва угадывалось.

– Дежнев Тихон Николаевич? – спросил страж закона, повернувшись к Тихону. Тот кивнул, и тут же щелкнули магнитные наручники.

– Что вы делаете? – возмутился Вертолетчик.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве доктора Дежнева, – отчеканил полицейский.

– Что? Что за чушь? – Тихон не верил своим ушам.

– Подойдите и протяните руки перед собой. Любая попытка агрессии по отношению к сотруднику полиции будет жестко пресечена.

Полицейский протянул на ладони раскрытые наручники. Другой рукой он взялся за рукоять пистолета, снял оружие с предохранителя.

– Но отец жив! – воскликнул Тихон. Об этой фразе Тихон потом долго жалел.

– Жив? Хм, значит, меня дезинформировали.

Полицейский закрыл наручники, вложил их в паз на поясе и подошел к дивану. Глянул, распрямился.

– Значит, доктор жив? Что ж, это меняет дело, – произнес он и трижды выстрелил в лежащего на диване человека. Четвертый выстрел сбил с ног Вертолетчика.

Тихон рванулся вперед, но был отброшен к стене. Пистолет ударил вполразряда. Боль была адская, тело перестало слушаться. Руки и ноги словно налились свинцом.

– Нам предстоит долгий разговор, господин Дежнев, – сказал мнимый полицейский и снял шлем.

Открылось молодое лицо с ровным оливковым загаром, слегка отдающим в синеву. У жителей поверхности такого не бывает. Тихону был хорошо известен этот оттенок: такого же

цвета была кожа у матери. Надоблачник! А вот глаза у человека были странные. Сквозь дымчатую синеву активных линз проступали белки, обезображенные обширной гематомой. Сосуды лопнули от быстрой посадки? А может, он на наркоте?

Превозмогая боль в груди, Дежнев принялся подтягиваться, пытаясь хотя бы сесть ровно. Почему же охрана дома не отреагировала? Не проверила позывной фальшивого копа? Разве что он из корпорации... На сотрудников коды не действуют.

– Вы должны сказать, где находятся эмиттеры синхронов. Отец наверняка оставил вам инструкции, – почти попросил липовый полицейский, присел рядом с Тихоном. – Заряд вас временно обездвижил, но говорить вы сможете.

– Убийца, – прохрипел Дежнев.

– Да, – легко согласился пришелец, – я научился убивать, рвать глотки зубами и стал лучшим, чтобы подняться туда, – он указал пальцем вверх. – И что же? Я по-прежнему выполняю грязную работу. А вы с отцом могли бы сразу вступить в золотой круг, получить все привилегии гражданства. И отказались! Я объясню тебе кое-что, Тихон Дежнев: именно такие счастливицы, размякшие от возможностей, ленивые капризные уроды, просрали планету. Я ненавижу вас, твари! Вот вы у меня где, понял?

Лицо говорившего чудовищно исказилось, рот оскалился, выпучились глаза, и сквозь загар проступили красные пятна.

– Знаешь, а может, пристрелить тебя к чертям? – Человек направил пистолет на Тихона. – Задание провалю, но хоть развлекусь как следует...

Внезапная вспышка озарила комнату. Голова убийцы взорвалась, точно перезрелый арбуз.

– От вже тебе Новый год! Развлекись!

Сэмэн Журибеда вошел в кабинет и едва не получил заряд парализатора, но Дежнев успел отключить защиту, спасая своего спасителя.

Тихон кое-как поднялся, опираясь о плечо казака, прошел через комнату. Он остановился у дивана и долго глядел на человека, распростертого перед ним.

Дежнев-младший давно жил сам по себе. С отцом общался не особенно часто, бывало, неделями не возвращался домой. Да и Николай Николаевич не особенно поддерживал общение: много работал, пропадал в командировках. И все же между ними была крепкая связь. Сейчас Тихон чувствовал, как эта нить истончается, пропадает. Как навстречу непрошеной слезе в глаза пробивается что-то гулкое и неуютное, пугающее. Кажется, была свобода.

– Что будем делать?

Сэмэн перезарядил свой устрашающий пистолет. Кустарная сборка оружия была единственной страстью Журибеды. Разумеется, за исключением хорошей драки.

– Это человек из корпорации, Сема. Я должен понять, что происходит, докопаться до правды. Должен разобраться, за что погиб отец.

– Мета гарна, – хмыкнул казак, – шансов мало.

– Почему?

– Тебя в розыск объявили. По всей Москве. По твоим устройствам тебя и ребенок отслеживает. Этот хлопец, – казак пнул лежащего на полу мертвеца, – может, и липовый коп, но сейчас здесь будут настоящие. И я не уверен, что они станут разбираться. Тикать нужно, Тих. У нас ведь Федерация городских поселений, так? Полиция за пределы Москвы не суется. Нужно только прорваться.

– А что клан?

– Ребята тебе сочувствуют, но главные не хотят лишних терок с копами. Велено тебе не помогать. Если явишься в танкобар, сдадут как пить дать.

– Почему же ты помогаешь?

Тихон знал ответ, но хотел услышать от Сэмэна.

– Ты мне помогал. Из такого дерьма вытащил! Да и батя твой мне не чужой. Так что, а ну их всех к бису!

– Значит, ты со мной до конца?

– До упора, Тих.

– Нельзя оставлять им улики. У отца в глазах встроенные визоры, не исключая, что корпорация еще как-то подстраховалась. Нужно как-то спрятать... Избавиться от...

У Тихона не поворачивался язык сказать «тела». Но так все и было. Один игрок выбыл, игра продолжалась.

Сэмэн кивнул.

– Вынести на руках и схватить не выйдет. Мигом спалимся. Нужно как-то здесь обстрелять. Генератор есть?

У доктора Дежнева и в самом деле был генератор с энергоэлементом индивидуального проектирования. Это была редкая технология даже для крупного города. В отличие от больших домовых генераторов, в которых каждый триместр меняли элементы питания, этот адский малыш был неутомим, питая в том числе и аварийную защиту квартиры. Что за сила обитает внутри, Тихон знал лишь отчасти. «Не ядерный, но ядреный», – любил говорить отец.

Дежнев показал казаку аппарат. Журибеда придирчиво осмотрел машину, поцокал языком, послунывил палец и зачем-то провел им по корпусу. Наконец, удовлетворенно кивнул:

– Добре! Устроим ему перегрузку. Он ее скомпенсирует выхлопом тепловой энергии. Снимем вот этот защитный кожух, и жар пойдет в помещение. Здесь в полминуты все спечется. Нечего будет восстанавливать. Только нужно к дивану перекатить.

– Пожар?

Тихон покачал головой. В их крыле дома, кроме дяди Феди, никто не жил, и все же оставлять за собой пепелище не хотелось. Дежнев любил старую Москву, этот город всегда был живым, выдерживая любые передраги. Сознательный урон казался кощунством.

– А что, если дом рухнет?

– Ничего не рухнет. У вас же вакуумная блокировка помещения! Все бронированное. Заблокируешь ставни и двери, воздух внутри выгорит и все дела. А генератор аварийно выключится. Главное, чтобы стены выдержали.

– Выдержат. Они тоже усиленные. Отец шутил, что на нашей квартирке можно в космос лететь, – невесело усмехнулся Тихон.

– Ну, так нечего котейку за рожон тянуть, давай, за дело.

– Котейку! Алиса! – спохватился Дежнев.

– Ты что, бро? Кошку с собой берешь? На хрена? – начал было заводиться казак, но осекся, наткнувшись на тяжелый непреклонный взгляд друга, махнул рукой. – А! Делай что хочешь! Тебя ж не переспоришь.

На сборы ушло больше времени, чем Дежнев рассчитывал. Побросать вещи в рюкзак и спрятать индийскую шкатулку с эмиттерами было делом нескольких минут. Мешало уйти иное. Дом, в который последнее время он так редко заходил, вдруг стал до слез родным и теплым. Каждая вещь хранила воспоминания. Вот ваза богемского стекла, которую отец нашел в руинах Праги. Тихон тогда только начал ходить к наставнику. А вот сборник «Романтические цветы» Николая Гумилева. Отец любил цитировать стихи оттуда. Тихон взял книгу и увидел между страниц уголок фотографии. Отец сам делал фото на старый, еще довоенный фотоаппарат. Фотография – просто листок, без встроенной динамической матрицы – была неподвижна. Тихон подумал, что прошлое и должно быть такое. Неподвижное. Проходит секунда, человек идет дальше, а все вокруг: дождь, и облака, и птицы на деревьях – каменеет. Дежнев раскрыл сборник на странице, заложенной фотографией, прочел:

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Он всмотрелся в изображение. На фотографии они были вместе. Отец и мать. Молодые, незнакомые. В странных серебристых одеждах. На заднем плане стояли еще какие-то люди. Но их лица расплывались. Только один мужчина был виден хорошо. Красивый, широкоплечий брюнет. На фотографии он улыбался, и Тихон отчего-то решил, что улыбка эта неискренняя, фальшивая.

– Ты что там медитируешь? Сумку собрал?

Журибеда поднял голову от генератора. На лбу казака блестел пот.

– Сейчас, – пробормотал Тихон и сунул фото в карман плаща.

Алиса вопреки опасениям Тихона пошла в корзину сама. Словно понимала, что здесь ловить больше нечего.

Когда Дежнев собрал вещи, они с Журибедой положили Вертолетчика на кушетку в комнате Тихона, а обезглавленного надоблачника так и оставили лежать посреди комнаты, только накрыли пледом. Огонь поглотит все без остатка, но так отчего-то казалось правильнее.

На журнальном столике Тихон увидел клон-розу. Когда он успел ее вынуть? Тихон взял цветок и положил на грудь к отцу. Наклонился. От тела доктора Дежнева все еще шло тепло, словно он спал или был без сознания.

– Я узнаю правду, отец. Обещаю, – шепнул Тихон.

Глава 3

Часть той силы

В кантине «Шчи» при гараже номер семь было непривычнолюдно. Из рейда вернулось сразу четыре экипажа. Стол у стены пустовал, только посередине, рядом со светильником, лежал кусок обугленного металла и стояла жестянка со спиртом. Команда Красного Жоржа больше никогда не отправится в Неудобья на охоту за артефактами. Время от времени кто-то из танкистов подходил и отпивал из кружки обжигающую жидкость, молча возвращался на место.

– И оно тебе надо, а? Вон, гляди, чем все кончается. Жестяные поминки!

Дядя Сеня, старший механик и владелец кантины, поучал вихрастого худенького паренька с большим носом. Юноша был одет так же небрежно, как и завсегдатаи заведения, но видно было, что это тщательно продуманная небрежность фаната, желающего походить на своих кумиров. Звали его Ваня Пяткин, и он постоянно отирался рядом с гаражом.

– Мустанкеры – все смертники, – продолжал Сеня. – Я в молодости тоже пошел в рейд, и в первой же заварушке оттяпало мне руку. – Трактирщик закатал рукав и продемонстрировал юноше блестящий протез. – И что обидно – свои же удружили. У них на хорнете фриз старенький стоял. Его с КТО списали. Ну, броню-то в гараже подлатали, а с пушкой маленько недокумекали. Забавно, когда твоя хваталка вдруг синеет, потом белеет и хлоп на пол, точно долбаная сосулька. Ну, я повалился в больничке, разжился протезом и решил, что лучше остаться при гараже. А мои компаньоны, нам тогда было чуть больше, чем тебе, так вот, через год все они легли на броню... Шли на пыльниках в ближние Неудобья за легким хабаром. У сухого арыка решили срезать и попали в капкан. Десять говорунов с бронебойным комплектом и минное поле. Короче, спеклись мигом.

– И что, шансов выжить нет? – Парень грустно посмотрел в полупустой стакан.

– Ну, не то чтобы совсем нет, – протянул Сеня, вставил в локтевой разъем штуцер и благословляющим жестом простер руку над кружкой. Из указательного пальца ударила струя темного пива. – Вон видишь в углу команду? Это Тихон Дежнев со своими головорезами. Держатся уже шесть лет. Ни одного провального рейда. А как на дамбе всем яйца крутят! Просто завидки берут.

– Да-да, Тихие, я про них все знаю!

Паренек во все глаза уставился на мустанкеров.

– Да не пялся ты так! – зашипел трактирщик, схватил Ваню за плечо и слегка повернул к себе. – Танки у них, конечно, что надо, настоящие турнирные быки, да еще и навернуты под пустошь. Но дело не только в этом. Говорят, отец Дежнева был ученый и сын что-то такое получил в наследство. Смекаешь?

– Какие-то реликты войны? Супероружие? – оживился Ваня.

– Тише, тише. Стоп машина! – Дядя Сеня улыбнулся в усы. – Все мустанкеры Неудобий хвастают, что навернули свои танки военными примочками. И что? Сыпятся, как и всегда. А эти – нет. Выходят чистыми. И все в цвет. Я слышал, это как-то связано с кошкой Дежнева...

– Дядь Сень, я все хотел спросить, а почему они называют себя мустанкеры?

– Не знаешь? Немудрено. Это муля такая, из старых времен, – усмехнулся Сеня и задумчиво огладил усы, – до Серых десятилетий еще дело было. Короче, слушай, давным-давно белые люди привезли в Америку лошадей...

– Америка? Та, что ядерную войну развязала? А зачем им лошади-то? – округлил глаза Ваня.

– Да нет, дурень! – усмехнулся гаражный мастер. – Америка – это континент, а войну развязали США. Они тоже поначалу ничего были ребята. Ну а потом, как всегда, захотели съесть больше, чем могли. Землица, Ваня, она не виновата, что на нее дурной человек приходит. Так-то.

– А что с лошадьми?

– Ну, привезли их, значит, а те со временем расплодились, одичали. Появились огромные стада. Их стали называть мустангами. Потом белых людей в Америке стало больше. Появилась потребность в скаковых лошадях. Танков-то тогда не было. Короче, появились те, кто мустангов ловил и укрощал. Их называли мустангеры.

– А наши танки ловят! – догадался Ваня.

– Верно! – хохотнул Сеня, хлопнув паренька по плечу, так что Ваня едва не слетел с барного стула. – Найти танк, конечно, большая удача. Даже самый занюханный пыльник стоит бешеных денег. Но не это главное. Заарканить и приручить дикого мустанга было опасным делом. Пойти в Неудобья за хабаром – еще опаснее.

– Выходит, и мустанкеры, и мустангеры ищут опасности? – недоверчиво покачал головой паренек.

– Смертельной опасности, дружище, – веско поднял палец Сеня. – Смертельной!

Покидая питейное заведение, Ваня не обратил внимания на сторбленную фигуру, одиноко сидящую за столиком, что притулился в углу, прямо возле стойки, по разные стороны от которой стояли он и дядя Сеня. Собственно, фигуру-то эту и разглядеть толком было довольно трудно – всю ее окутывал то ли плащ с капюшоном не по размеру, то ли темное одеяло, подпоясанное кушаком. В общем, типичный бродяга степных дорог. Их здесь старались обходить стороной из соображений брезгливости. Конечно, большинство здешних завсегдатаев проводили много времени «в полях», вдали от прелестей цивилизации. Однако вернувшись с хабаром, они стремились поскорее совершить гигиенические процедуры – личную чистоту постоянные жители дамбы старались блюсти. А бродяги жили собирательством и побирушничеством и поэтому денег на комфортабельный постой не имели никогда. Дождик в степи застал – вот и помылся бродяга.

* * *

Входная дверь за Ваней захлопнулась, дядя Сеня повернулся спиной к залу, лицом к барному хозяйству и принялся протирать кружки да рюмки. Бродяга приподнял край ткани, закрывавшей его лицо, огляделся по сторонам. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Он не спеша встал из-за стола и направился словно бы к выходу, однако до двери не дошел, а свернул в туалетную комнату.

В туалете тускло горела лампочка, зато сквозь зеркало над рукомойником проступала движущаяся трехмерная реклама: «Водка «Москва-сити де Люкс». Еще совсем недавно я была горным ручьем!» За рукомойником дурно пахнущей мокрой звездой расплывалось то, что еще совсем недавно могло быть водкой «Москва-сити де Люкс». С примесью русского народного блюда, что дало название питейному заведению.

Вошедший брезгливо шарахнулся в сторону, одной рукой подбирая подол хламиды, а другой зажимая нос. Бродяга так бы не поступил, жесты выдали в мужчине столичного гостя. Он опасливо открыл дверку одной из кабинок – никого. Открыл вторую – тоже. Убедившись, что он в уборной один, мужчина вошел в кабинку, закрыл за собой дверь и скинул пыльную хламиду.

Под одеждой странника степей оказался слегка потертый и немного припачканный, но все же белый хлопчатобумажный костюм – писк столичной моды позапрошлого десятилетия. Хлопка теперь сажали мало, обрабатывали его и ткали полотно полукустарным способом. Когда-то такой костюм стоил в несколько раз дороже высокотехнологичного синтетического костюма средней степени защиты, но теперь и мода прошла, и костюм потерял товарный вид.

Молодой человек отцепил от плаща едва заметную заколку и прикрепил ее на лацкан пиджака. Грязную одежду свернул и убрал в небольшой рюкзачок, из которого достал такую же белую, так же слегка потертую и тоже немного припачканную панаму и водрузил ее на голову.

Странновато одетый для этих мест тип был худ и высок. Его заостренный нос оседлала круглые фальшьочки, тоже дань устаревшей моде. Под очками, конечно же, были навороченные линзы. На чуть оттопыренном ухе висела серебристая серьга. Несколько выпяченная губа придавала ему немного зловещий вид, особенно когда он опускал фальшьочки и смотрел поверх них. В этот момент было особенно заметно, что глаза его светятся азартом и прозрачностью, причем один глаз карий, а другой – зеленый. Словом, было в его облике что-то от тех, кто вечно хочет зла, но вечно совершает благо...

Потертый флант коснулся указательным пальцем серьги, и в его ухе послышался шорох, щелчки, а затем сигнал соединения.

– Я слушаю тебя, Лева, – прозвучал баритон.

– Шеф, я, кажется, нашел, – зашептал Лева. – Да, да, да! Это тема! Да! Это – бомба! К утру будет атомный материал!

– Лева, ну что ты там мог такого найти? – в голосе явно прозвучали нотки нарочито снисходительного равнодушия. – То, что на плотине проходят нелегальные бои, давно секрет Полишинеля. Да, бьются на древних, полуубитых машинах... Да, ни о какой технике безопасности нет и речи... А какая техника, тем более безопасности, может быть за Волгой?

– А вот то-то! – ликовал очкарик. – Вы не поверите! Есть тут одна команда, которая использует технологии, неизвестные ни в Киеве, ни в Москве. И среди потерянных военных технологий такой не было. Тут все дикие, в технике не секут. От мистики ее не очень отличают. Ну, большинство... У каждого свои приколы: кто-то деревянного божка за пазухой носит, кто-то метеорит с дыркой, а кто-то и фалангу погибшего деда. А у этих явно что-то новенькое...

– Ну, если так... – в голосе появилась заинтересованность. – Тогда копай, Лева, копай. К утру жду материал.

– Пришлю, шеф, обязательно пришлю!

Он снова тронул серьгу, и связь прервалась.

Это был ведущий журналист одной из самых скандальных и самых популярных у неприятельного читателя сетегазеты «Три ствола, четыре сиськи. Онлайн». И он тоже был одним из самых скандальных и одним из самых популярных. Его настоящего имени не знал никто, кроме шефа, главного редактора газеты, а статьи он подписывал псевдонимом Эдуард Конь.

Начинал творческую карьеру Лева в Краснодаре. Тогда он был простым уличным стихомантом по прозвищу Хвост. Позже перебрался в Москву в сетевую газету, как он сам шутил по этому поводу, «начальником отдела расчлененки». Он писал о самых страшных и жестоких преступлениях, если же преступление казалось ему недостаточно жестоким, то он украшал его вымышленными подробностями. Писал он много, иногда по несколько статей в один выпуск. Тогда к его главному псевдониму прибавлялись другие. Чаще всего это был Геннадий Лось, реже появлялся Себастьян Кот, а однажды возник Святополк Гусь. Еще одним своим неоспоримым достоинством Лева считал умение находить контакт с самыми разными людьми и втираться в самые разные коллективы, это было наследием его южного стихомантского прошлого.

Главный редактор газеты жил в Аризоне и руководил ею по сети. Главы отделов тоже большую часть времени проводили на орбите и лишь на несколько дней в квартал спускались на Землю. Мечтой Лева было стать настоящим, а не на словах, начальником отдела – законно

получить жилплощадь в облачном городе. И, похоже, после такой сенсационной публикации его мечта приблизится...

Журналист поправил заколку на лацкане пиджака. Конечно же, это был высокочувствительный микрофон, и все, что произносилось в радиусе нескольких метров от молодого человека, записывалось. Он посильнее надвинул панаму, практически на уши и брови. Это сделало его еще более забавным: нелепый столичный чудак, неизвестно как попавший в эти суровые места. Журналист взглянул на себя в зеркало – реклама водки услужливо исчезла – и был полностью удовлетворен.

Брезгливо озираясь, Эдуард Конь покинул санитарно-гигиеническое заведение, решительно подошел к стойке бара и нетерпеливо забарабанил пальцами по ее поверхности. Подошел дядя Сеня.

– Здравствуйте, – произнес журналист на пределе человеческой искренности.

Дядя Сеня нехотя смерил взглядом его нелепую и по столичным меркам, а здесь уж совсем не вписывающуюся в интерьер фигуру.

– Ну, и ты будь здоров, коли не шутишь, – произнес бармен, стараясь по возможности вложить в свои слова подтекст: мол, именно здоровье – это как раз то, что может быть подвергнуто серьезному испытанию в этом месте и в это время.

– Я хочу стать мустанкером, – без обиняков выпалил Эдуард Конь. И снова искренность, которой были подкреплены его слова, зашкаливала. Столь искренне мог говорить только полный придурок.

Дядя Сеня даже опешил поначалу. Потом снова смерил взглядом пришельца, но уже медленнее и внимательнее. Ну, точно, придурок и есть.

– Еще один... Здрасьте, приехали, – только и смог произнести дядя Сеня.

– Да, я приехал. Да, я приехал прямо из Москвы. Прямо сюда, – затараторил молодой человек. – Потому что я хочу быть как он!

– Как – кто? – поинтересовался заинтригованный дядя Сеня.

– Конечно же, как Терентий Дежнев! – выпалил нелепый тип. – Я буквально его фанат, его и его команды. Эти смелые люди изменили мою жизнь – я бросил колледж, и вот я здесь! Я хочу быть мустанкером, как Терентий Дежнев.

– Тихон Дежнев, – только и произнес дядя Сеня.

– Как – Тихон? – так же искренне, как и прежде, произнес чудак, только теперь уже с нотками удивления. – В Москве все говорят: Терентий Дежнев!

– Да, много они там у вас, в Москве, знают да понимают! – бросил дядя Сеня. – Тихоном Дежнева зовут!

– И то верно, – согласился молодой человек. – Ничего они там не понимают. Потому что настоящая жизнь здесь! Здесь настоящие мужчины. Здесь настоящие бои. А там, сказать по правде, все – одна фальшь. Даже в танковых боях сражаются аватары.

Возможно, Эдуард Конь был не очень хорошим журналистом, тем более не очень хорошим психологом, но отчего-то он был уверен, что для провинциала нет большей радости, чем уличить москвича в некомпетентности. Скорее всего это неправда. Но именно сейчас это сработало. Простодушный дядя Сеня проникся к придурку необъяснимой симпатией.

– Да знаешь ли ты, чудак-человек, кто такие мустанкеры? – с доброй, почти отеческой снисходительностью произнес он.

Хитрый журналист не зря крутил направленной антенной во время разговора дяди Сени с Ваней. Он все слышал и все отлично запомнил. И охотно своими словами тут же пересказал дяде Сене его же собственный давешний рассказ про мустангеров и мустанкеров:

– Несколько веков назад люди из Европы в Америку завезли коней...

Слушая этот сбивчивый, но наполненный юношеским энтузиазмом рассказ столичного чудака, выдавший виды дядя Сеня чувствовал к нему все большую приязнь.

– Выпьешь? – по-отечески спросил он.

– А мустанкеры пьют?

– Ну, когда они идут на дело, конечно, не пьют ни капли. А вот когда возвращаются с хабаром, гуляют по несколько дней...

– Ну, у меня сегодня был довольно удачный день... – с сомнением протянул молодой человек. – Мне можно немного выпить...

– Как тебя зовут, сынок?

– Эдик.

– Зови меня дядя Сеня...

Не прошло и получаса, а дядя Сеня и Эдик уже обнимались через стойку бара. Они похлопывали друг друга по плечам и заплетающимися языками говорили друг другу комплименты.

– Ты отличный парень... Да, ты смелый парень... – с жаром заверял нового друга дядя Сеня. – Только не стоит тебе рваться в мустанкеры... Не стоит...

– Это почему же? – недоумевал Эдик.

– У каждой команды свои секретные приемы. И все равно ни одна команда больше двух-трех лет в степи не выживает.

– А команда Дежнева?

– А у них особый секрет.

– Какой?

– Тс-с-с... – дядя Сеня заговорщически посмотрел по сторонам и притянул голову Эдика к себе поближе. – Какой бы слаженной ни была команда, это всего лишь несколько отдельных людей... А у Дежнева есть привада, которая соединяет сознания всех бойцов вместе... Ну, как если несколько компьютеров соединить в единую сеть, – они будут работать, как суперкомпьютер... Так и команда Дежнева бьется, как один боец с четырьмя телами...

– Четырьмя? – удивился Эдик. – С тремя! Их же трое: сам Дежнев, Сэмэн да китаец этот, Том...

– Их четверо... Но – тс-с-с-с... – снова заговорщически цыкнул дядя Сеня. – В этом – их главная тайна.

– В чем?

– В кошке!

– В кошке?

Эдик от удивления приподнял очки.

– Да. В кошке. Кошка чувствует импульсы, которых не чувствуют люди.

– Какие импульсы?

– Я откуда знаю! Я не физик... Но что-то там она чувствует.

Эдик, пораженный, затих.

– Так что возвращайся, сынок, в Москву, – произнес после паузы дядя Сема. – Нечего тебе тут делать.

Собственно, это фальшивый Эдик и собирался сделать так скоро, как представится возможность. Ему действительно здесь больше нечего было делать. Он узнал все, что было необходимо.

* * *

Герман Цайгори был консервативен и старомоден. Глядя на его рабочий кабинет изнутри, никто бы не подумал, что находится в небесных апартаментах. Герман не любил современный дизайн Ариэля: все эти серебряные шары и кубы, сверкающие пуфы и металлические комодные полки, спускающиеся с потолка. Нет, нет. Стен в его кабинете не было видно от стеллажей,

заставленных всяческой мелочью: скульптурки, фигурки, осколки минералов, чучела земных птиц и зверьков, чашечки, баночки, вазочки, картинки и голограммы в рамках. Что-то из этого, несомненно, имело историческую ценность, что-то культурную, что-то научную, а что-то было попросту хламом.

Прямо посередине помещения стоял огромный, словно гиппопотам, кожаный диван, а рядом с ним притулилось такое же кожаное кресло, словно малютка-гиппопо. В кресле профессор и работал, придвигая его к массивному столу с резными тумбами. В этом столе не было никакого смысла, как не было смысла во множестве бумажек, устилающих поверхности, свободные от вышеупомянутого хлама. Не было смысла, поскольку вся работа происходила на внутренней поверхности очков профессора. В очках, впрочем, тоже не было никакого смысла, просто профессор не признавал линз. Когда Германа упрекали в старомодности и консерватизме, он простодушно, но твердо говорил: «Профессор должен быть в очках».

Профессор моргнул, и браузер впрыснул ему в глаза фонтан букв, цифр и мнемонических знаков. Следом посыпались образы. Биржевые сводки, курсы валют, новости орбитальной и поверхностной политики – только самая важная и деловая информация.

Вдруг что-то щелкнуло, заиграла бравурная музыка, и в каждом из очечных стекол появилось по обнаженной женской груди. Они подрагивали в такт музыке, росли и приближались. Они буквально надвигались на профессора, казалось, сейчас они вывалятся из стекол.

– Что за дичь! – недовольно буркнул себе под нос Герман Цайгори.

«Да когда же, наконец, запретят эти всплывающие окна! – подумал он в сердцах. – Судить за это надо, судить безжалостно. Железом бы выжиг сетевую рекламу!»

А тем временем поверх виртуальных женских грудей появилась надпись: «Три ствола, четыре сиськи. Онлайн». И дальше: «Самые скандальные новости Ариэля и поверхности. Криминал, шоу-бизнес, прочие чудеса и диковины».

Профессор попытался так моргнуть, чтобы всплывшее окно закрылось, но это не помогло – оно сменилось другим. «Прочтите – не пожалеете». Профессор снова моргнул, но на этот раз разноцветные буквы постарались его убедить: «Прочтите всего один текст, и вы не сможете оторваться».

Профессор выругался в голос:

– Да что же это такое, черт возьми!

Он снова моргнул, но как-то совсем неудачно – система восприняла его сигнал как согласие на чтение предложенного текста.

«На днях ретро поп дива Артемида Вечерняя родила восемнадцатого ребенка. Предположительно отцом его является резидент «Камеди-барельефа» Миниморум Залкинд. Как известно, певица не признает искусственного вскармливания. Протесту против химических прикормок посвящен ее последний вирт-альбом «Ешь природу». Для вскармливания младенца, по слухам, используется аватар пятого поколения по имени Фрося...»

В глазах профессора замелькали анимированные портреты поп-дивы и барельефного комика...

– Да черт же ж возьми! – вскричал Герман Цайгори и снова постарался движением век закрыть окно, но только сумел заменить его следующим.

«Общественное правозащитное движение «Фонд Сигизмунда Рукаберидзе» в пять тысяч семьсот восемьдесят третий раз выступило с решительным требованием запретить на Земле танковые бои. «Если к крику нашей души не прислушаются и на этот раз, – заявил лидер движения Сигизмунд, – мы в знак протеста на две недели откажемся от приема продуктов питания, содержащих углеводы, а также от ношения одежды, в которой присутствуют фиолетовый и бирюзовый тона». Напоминаем, что Фонд...»

Текст был иллюстрирован остовами танков и телами людей, и те, и другие были порядком разворочены. Их сменили портреты мрачных мужчин в неожиданно ярких, двубортных желто-оранжевых костюмах...

– Делать вам всем нечего... – вновь пробормотал Герман Цайгори и снова моргнул. Он уже готов был выкрикнуть новую порцию проклятий создателям желтой онлайн-газеты, но так и замер с открытым ртом. Выскочивший текст гласил:

«В диких степях Заволжья обнаружены технологии, неизвестные не только на поверхности, но и на орбите...»

Герман так и застыл в винтажном кресле, забыв закрыть рот, открытый, чтобы выкрикнуть очередную порцию ругательств. Профессор внимательно прочитал текст, подписанный звучным псевдонимом «Эдуард Конь».

«Над этим же работал в последние годы Николай Дежнев, – напомнил сам себе Цайгори. – И кошка у него была... А это кто на фото?»

Статья в сетегазете была обильно иллюстрирована: танки, битвы, огонь, brave мужчины на фоне боевых машин... «Вот у этого очень знакомые глаза», – обратил внимание профессор. Он укрупнил лицо героя степей, перенес в поисковик и через несколько кликов уже знал все. Точнее, он знал все, что было необходимо.

* * *

Журналист, известный под псевдонимом «Эдуард Конь», был аккуратен и хитер. В его небольшой съемной квартирке в Новой Москве все было скромно и утилитарно. Лева сидел в удобном офисном кресле и торопливо шлепал пальцами по несуществующим клавишам, видимым только ему. После невероятного успеха статьи про мустанкеров Заволжья от него ждали новых сенсационных материалов, и он готов был их выдать. Теперь не надо ехать за тридевять земель к черту на рога. Теперь, когда его заметили и читатели, и коллеги-профессионалы, каждый новый его материал привлечет пристальное внимание. Так тщеславно думал журналист, заканчивая новую сенсационную статью.

Неожиданно в дверь позвонили. Лева легким движением ладони отослал в сторону виртуальную клавиатуру, моргнув, сохранил написанный текст и погасил воображаемый экран.

В глазок ничего не было видно.

– Кто там? – спросил журналист.

Ответа не было.

Ему бы вернуться к публицистическому творчеству – Новая Москва не самый спокойный район в столице. Тут будут убивать, никто не выглянет. А полиции не видно даже по праздникам. Однако природное любопытство журналиста-расследователя не давало ему покоя. Он щелкнул замком, приоткрыл дверь, осторожно высунулся... Никого не было видно. Лева выглянул на лестничную клетку. Едва различимое движение возле стены привлекло его внимание. Он пригляделся, моргнул... И потерял сознание.

Когда легендарный Эдуард Конь пришел в себя, за окном было темно. Журналист лежал на полу в центре своей комнаты на спине, в позе пятиконечной звезды. Он чувствовал себя невероятно опустошенным, настолько, что физически чувствовал всю суть идиоматического выражения «быть выжатым, как лимон». Лева поднял руку и увидел на внутренней стороне локтевого сустава темный след от укола. Виски зудели. Лева коснулся их руками и ощутил кончиками пальцев круглые следы, словно его голову продолжительное время сжимали.

Словно сама собой открылась входная дверь, и едва уловимая тень скользнула на лестничную клетку. Невидимка вернулся, откуда пришел: он знал все, что было необходимо.

Глава 4

В темнице сырой

В «Шчах» третий день праздновали удачный бой на дамбе. Сэмэн тарахтел без умолку, травил байки. Том отвечал односложно: вставить приличествующую случаю премудрость в пулеметную дробь поддавшего Журибеды было решительно невозможно.

Сэмэн вырос на Левбердоне, в так называемом частном секторе, свинячем хуторе, который, по всей видимости, не менялся на протяжении нескольких веков. Его не изменили ни люди, ни годы, ни войны. Дитя Юга России, он говорил на безумном суржике, который нельзя было назвать ни языком, ни диалектом. Его говор русские непременно считали украинской мовою, а украинцы – кацапским трепом. По этой причине Сэмэну всю свою жизнь, с самого младенчества, приходилось регулярно биться и с теми, и другими. В результате он и вырос здоровым, во всех смыслах этого слова, интернационалистом. То есть равно недолюбливал все народности мира, а любил исключительно своих друзей, при этом абсолютно невзирая на их национальность. Дружить Сэмэн Журибеда умел. И байки травить умел. Хотя его дикий суржик на сто процентов не понимал никто. Тихон любил пошутить, что сам Сэмэн самого же себя понимает только на две трети. Однако Сэмэн так выразительно высказывался, так ярко подкреплял корявые слова жестами и неподдельными эмоциями, что все сразу становилось понятно.

Вот и на этот раз в «Шчах» происходило подобное громогласное и выразительное действие, в котором Сэмэн солировал, а Том, словно ритм-секция, давал плотный фон.

Тихон в разговоре не участвовал, сидел, размышляя, потягивал пиво. Вчерашняя попойка в честь победы на дамбе до сих пор пульсировала в висках.

Сэмэн все больше входил в раж. Он орал так громогласно, что слова его трудно было игнорировать.

– Была в мене одна гарна дивчина в Кери. Ось такие у нее були гарбузы!

– На себе не показывай! – строго прервал его Том.

Сэмэн послушно отдернул и развел в стороны руки, которые прежде держал сантиметрах в двадцати от своей груди.

– Так вот она мне таку чудову прытчу рассказала, шо я роготал, як тось павиан, три дня без роздыху... Слушайте сюды. Уявите сябе таку экспозицию: три дивчины...

– Под окном?

Том был так рад, что снова сумел вставить в монолог Сэмэна свою реплику, что тут же защурил и без того раскосые глаза и расплылся в лучезарной улыбке, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов.

Однако Сэмэна таким простым приемом не срезать. Он продолжил ничтоже сумняшеся:

– Та ни... Зачем – пид окном... У стоге сена...

– Да где ж они стог сена взяли? – повторил попытку срезать товарища Том.

– Где-где... У сельской местности! Так вот, значит, три девицы в сельской местности, у стоге сена... Лежать. А мисяц – серпень...

– Какой?

– Август мисяц. Зирочки так с неба и летят!

– Звездопад, что ли?

– То тэбе – звездопад. И дивчинам – зирочки падают, желание трэба загодати! Кому гроши, кому кохання, кому шо... Придумали желания, лежат и ждут. И тут одна зирочка летит-летит по нэбу, та и замирае. Опосля того три раза мигае пиу-пиу-пиу и снова летит.

– И что это было? Спутник? Ракета?

– Та не важно, шо то було. Важно, шо казали хором три дивчины...

– И что?

– А то, шо казав бы на их месте любой славянин, вне зависимости от полу и возрасту.

– И что?

– «Ну, ни болта же ж себе!» – казали три дивчины!

Том было начал смеяться, но Сэмэн жестом остановил его, мол, еще не пора, еще история не закончилась.

– Я ей кажу: «Ну, и шо – збулось це желание?» А вона цедит сквозь зубы, злобно так: «Да, збулось – целый рок ни единого!»

– Целый год? – усомнился Том.

Но тут Сэмэн, словно давая команду, что смеяться уже можно, первый «зароготал, як тось павиан», по его собственному определению. Том похихикал тихо, морщинки в углах его глаз при этом напоминали солнечные лучи. Тихон тоже поневоле улыбнулся, уж больно заразителен был смех у Сэмэна.

«Метеор... Да, метеор... – пробормотал себе под нос Тихон. – Как я мог о нем забыть...» Тихон смеялся вместе с друзьями, но теперь ему уже не давал покоя метеор, упавший ровно в то самое место, куда указывали координаты, оставленные отцом. Метеор никак не шел из головы. Дежнев не верил в совпадения. Чутье мустанкера подсказывало: у этой истории будет продолжение. В груди зрело то самое, знакомое еще по Москве предчувствие. Потому Тихон и не удивился, услышав зловещий перестук металлических лап по полу кантины.

Через пару секунд цокотухи принялись карабкаться на столы. Больше всего они походили на здоровенных стальных тараканов. Блестящие надкрылки украшал герб федеральной полиции. Сенсоры бесстрастно разглядывали посетителей. «Граждане! Сохраняйте спокойствие. Это полицейская операция! Любое несанкционированное действие будет расценено как попытка мятежа», – сообщил железный таракан приятным женским голосом.

Это была не пустая угроза. Каждая цокотуха несла в стальном брюшке порцию мощного нейротоксина. Укус вызывал паралич и сильнейшую боль.

В залу вошел полицейский пристав и направился напрямик к столику Дежнева.

– Гражданин Дежнев? – Околоточный встал над ним, заслоняя собой залу. В экзодоспехах он выглядел настоящим великаном.

– А то ты не знаешь меня, Миша, – улыбнулся Тихон, – сколько ходок в пустошь вместе сделали.

– Попрошу без фамильярностей, – процедил Миша Кроль, бывший партнер по рейдам, а ныне блюститель закона, и сделал страшное лицо. – Пройдемте со мной, вы задержаны по подозрению в нелегальной торговле оружием.

Мустанкеры в кантине возмущенно зашумели: оружием здесь торговали все. В том числе и сам Кроль.

– Эй, Мишунь, ты чего это чудесишь?

Журибеда начал подниматься из-за стола, за соседними столиками зашевелились другие танкисты.

– Молчать! В кандалы захотел? – рявкнул пристав, и тут же еще две цокотухи вспрыгнули на стол.

Зловеще зашипели микронасосы, нагнетая нейротоксин в проводящие каналы. И Сэмэн застыл на стуле.

– Господин полицейский. Не нужно кандалов, – примирительно поднял руки дядя Сеня, – гражданин Журибеда не хотел ничего плохого. У нас тут поминки. Ребята приняли немного. Вот и нервничают.

– У вас тут вечно поминки, – проворчал Кроль, – ладно, на сегодня прощаю. Веселитесь! В смысле скорбите себе, граждане. Дежнев, за мной.

На улице стемнело. Щербатая луна торчала над крышей гаража.

Миша Кроль открыл дверцу в корпусе машины, и цокотухи принялись забираться внутрь, компактно укладываясь в пазы аккумулятора блока.

Дежнев закурил, вдыхая вместе с сигаретным дымом сложный запах ангарного городка. Предложил затянуться Мише. Тот не побрезговал.

– Что случилось, Миш? Ты же не всерьез насчет торговли оружием?

Тихон напрягся, ожидая ответа. Их с Мишей многое связывало в прошлом, и теперь это прошлое могло сыграть с вольным мустанкером злую шутку.

– А кто впарил говоруна киевскому танкисту? – усмехнулся Кроль, и Тихон облегченно вздохнул: арест был просто поводом поговорить наедине.

– Изатбай на тебя очень зол, Тих. Больше обычного. Говорят, он послал за Трясунами. Вот я и подумал, что этой ночью тебе лучше побыть в участке.

Дежнев покачал головой. Такого он никак не ожидал. Из всех банд ближних Неудобий Трясуны выделялись особой жестокостью. Члены банды постоянно употребляли шай, местный наркотик на основе трав и плесени. Регулярное употребление сопровождалось внезапным тремором и обильным слюноотделением.

– А как насчет ребят?

Тихон поправил волосы, транслируя эмоции друзьям. Он знал, сейчас в кантине Сэмэн и Том повторили его жест. Тихон испытал тревогу друзей и, как мог, транслировал успокаивающий импульс.

– Им ничего не грозит, – замотал головой Кроль. – Обида только на тебя. Трясуны придут в поселок, будут тебя искать. Не найдут и обязательно с кем-нибудь сцепятся. Терпежу-то им никогда не хватало. Вот тут я их и прищучу! – Кроль усмехнулся. – Они давно напрашивались на зачистку, но сражаться с бандой в Неудобьях – сплошные растраты. А тут такой случай!

Тихон вернул улыбку. Миша всегда умел использовать ситуацию в свою пользу. За своевременное пресечение бандитских выходов он мог вырасти до старшего исправника, а там и вовсе сменить опасную полевую работу на уютный кабинет в управлении полиции Федерации городских поселений.

Пока ехали до участка, Тихон заметил нескольких полицейских в экзоброне. На крышах цехов и барачных мелькали зловещие красные огоньки, там занимали свои позиции старшие братья цокотух – скарабеи. У стен магазинов и в проулках, словно невзначай, были свалены сегменты бронебарьеров. Из этих неприметных легких панелей можно было в мгновение ока сформировать нерушимый щит, спасающий от пуль и огня. Кроме того, внешняя грань панелей была электроактивна, разряд был способен оглушить и даже убить нападавшего.

Кроль не шутил, он всерьез готовился захлопнуть ловушку.

В участке молодой прыщавый паренек с нашивками младшего городского долго разглядывал звезду дамбу и никак не решался зарегистрировать задержание, за что в конце концов получил нагоняй от сурового к подчиненным пристава.

Тихона определили в чистую одноместную камеру со встроенным в стену стареньким барельефером. Из мутноватой поверхности экрана выплывали лица серьезных людей, рассуждающих о важности соблюдения законов и правил. Через полчаса принес ужин все тот же

застенчивый городовенок. Под конец парень не выдержал и заговорил про последний бой на дамбе.

Потом час было тихо, только сонно бухтели говорящие головы.

* * *

Тихону уже снился этот сон. Картина из прошлого. Розовошекая карлица с бутоном клон-розы. На носу карлицы круглые очки, поблескивают синие стекла. Глянцевая поверхность мерцает, движется, обнаруживая странную глубину. За ней не видно глаз. Пропадающие в темноте движущиеся по кругу громады. Облака? Тихон наклоняется ниже, словно хочет поцеловать карлицу, вдруг теряет опору и стремительно падает в синюю бездну. Нет. Уже не синюю. Теперь это насыщенный до черноты фиолетовый омут. Вокруг вспыхивают и ветвятся тысячи молний. Они словно гигантские сияющие деревья во мраке неожиданной ночи. Тихон знает: за этим кружением, этим податливым хаосом есть твердь. И вот картина резко меняется. Тучи уже не вокруг него, а над ним и внизу серое, неподвижное. Равнина. До самого горизонта, где пышет адской топкой и плюется разрядами исполинская черная гора. Из серого постоянства тверди проступают возвышенности. Тихон пытается разглядеть их. Он знает, что это важно. Наконец, картинка проясняется. Он видит вздыбленный над равниной монолит. Куда меньший, чем извергающийся монстр на горизонте, но все же весьма обширный. Монолит похож на мертвого кита, лежащего на берегу. Отблески подземного огня озаряют спину каменного кашалота, а в его тени у самого подножья...

– Ох и горазд ты спать!

Сильные пальцы сжали плечо Дежнева. Тот проснулся сразу, словно вынырнул. Значит, сон был короткий. Он по-прежнему находился в камере полицейского участка, а над ним стоял Миша Кроль. Без брони он выглядел не так устрашающе.

– Койки у тебя тут. Ну, просто класс! Можно, я к тебе каждый вечер приходить буду? И законники в барельефере так здорово бухтят, убаюкивают...

Тихон поднялся, умылся.

– Сколько я спал?

– Час или около того, – ответил Миша, улыбнулся и выключил барьер камеры. – Пошли по рюмочке кофейку бахнем.

Они миновали увешанный плакатами коридор. Аппетитные барышни и накачанные парни, облаченные в экзоскафы или в форму федеральной полиции, звали всех идти работать в органы. Некоторые фото были свежие и до сих пор двигались.

– Работаем с молодежью, – хмыкнул Кроль, – привлекаем доступными методами.

– И как, идут? – язвительно поинтересовался Тихон.

– Из наших околотов? Смеешься? Здесь все грезят Неудобьями. Романтика, так ее!

Кроль разблокировал дверь в конце коридора. За дверью открылась лестница.

– Аккуратно, ступеньки крутые, – напутствовал полицейский гостя.

Подниматься долго не пришлось. Лестница вела на крышу. Там обнаружился столик, сервированный на двоих. Кроме обещанного кофейника имелась еще пузатая бутылка бормотая. Эта крепкая травяная настойка была гордостью ангарного поселка и единственным продуктом легального экспорта. Рядом обнаружилась тарелка с тонкими ломтями вяленой конины и банка маринованных цикад. Были еще овечий сыр, изюм и редкая по весне зелень.

– Ого, мировой закусон! – присвистнул Тихон. – Прямо пир!

– Я рассчитываю одержать сегодня небольшую победу. Это стоит отметить.

Кроль опустил на стул, положил ноги на парапет ограждения. На лампасном бедре исправника матово блеснул табельный игловик.

– Ну, пока ведь ничего не произошло? – спросил Тихон и присел за стол напротив полицейского.

– Верно, поэтому с бормочем мы пока обождем, – согласился Миша и разлил по чашкам кофе. – Закуривай!

– Может, позже.

Курить совсем не хотелось. Вспомнилась курящаяся гора из недавнего сна. Тихон осторожно взял чашку, сделал маленький глоток.

– Слушай, а вы в камере ничего такого не распыляете?

– Что? В каком смысле? – удивился Кроль.

– Ну, не знаю, чтоб буйных успокоить.

Тихон уже пожалел, что спросил.

– А! Наркоту? – Кроль оживился. – Ну, конечно, пускаем! Через вентиляцию. Гашиш, кокс, спиды, а на ночь городской всех тактиолом натирает.

– Ну чего ты ржешь, Миш. Я серьезно...

– Да ты что, Тих?! Ну какие распыления в госучреждении? – прохрипел еще не отсмеявшийся Кроль. – А что у тебя за интерес-то?

– Сны странные снятся.

Тихон пересказал полицейскому свой сон.

Кроль покачал головой.

– Фантастика какая-то... Может, ты у стихоманта грезу запомнил? У них бывает очень правдоподобно.

– Нет. Это место реально. Я уверен.

– Откуда такая уверенность?

– Не знаю, чувствую, и все.

– Знаешь, Тих, другого бы я с этим бредом послал куда подальше. Но у тебя чуйка и правда есть, не раз убеждался, – задумчиво сказал Миша. – Хорошо, давай логически: где на Земле есть действующие вулканы? Камчатка? Мексиканский залив? Может, Исландия? Там как раз просторы, камень.

– Может быть, – неуверенно отозвался Тихон. – Гора была не просто большой. Огромной, окончательной, понимаешь?

– Ну или... – проговорил Кроль и многозначительно посмотрел вверх. – Но тогда я ничего не понимаю. В новостях говорят, мы только-только до Марса добрались, а там действующих вулканов нет. Это я еще у наставника запомнил.

Тихон тоже поднял голову, всматриваясь туда, где на фоне привычного рисунка созвездий мерцали огни орбитальных городов. С тех пор как он последний раз смотрел на звезды, огней стало больше.

– словно поверх старого неба новое наклеили, – усмехнулся Дежнев, – скоро совсем заклеят, и все станет, как представляли древние – небо твердое, и в него вбиты золотые гвозди.

– Ну да, а если приподнять край, можно провалиться в мировое пространство. – Кроль поднялся, подошел к парапету, глубоко вдохнул ночной воздух. – Оно ведь и правда железное, небо. У нас из учебки несколько ребят подавали рапорты в корпорацию. Ведь там вроде бы рады всем. И ребята толковые. Глыбы – не люди! Хотели на Землю с орбиты смотреть или еще откуда. Прошли тесты на ура, соблюли все формальности.

– И что? – Тихон подался вперед.

– И ничего. Словно в стену уперлись. Нет разнарядок. Так и разбрелись по околоткам.

– Постой! Ты был один из тех выпускников?

– Нет-нет... – замахал руками полицейский. Потом нехотя кивнул. – Эх, разве тебя обманешь? Ясновидец, блин! Визионер хренов! Ну да, был грешок, мечтал о небе. Потом успокоился, перебесился. Но сначала ходил горевал. Потом все-таки одумался, начал карьеру делать.

Но размышлять, почему нас тогда послали, не перестал. На ночном дежурстве знаешь как хорошо думается?

– Много надумал?

– Много не много, а вот гляди: самые известные факты, если вдуматься, кажутся ненадежными. Чего далеко ходить? Вот скажи, что ты знаешь о Серых десятилетиях?

– Ну ты спросил! Это же всем известно!

– А ты повтори! – не унимался настырный Кроль.

– Ну, хорошо. Серые десятилетия – это период с 2040 по 2090 год, когда население Земли в результате войн за ресурсы, природных катастроф, кризисов, голода и болезней уменьшилось более чем наполовину. Ситуация начала выравниваться лишь с изобретением относительно дешевого и безопасного способа получения термоядерной энергии, а затем появления недорогих и надежных лазерных термоядерных двигателей (ЛТЯРД), которые вывели человечество к планетам Солнечной системы, где ресурсов – неограниченное количество. За время войн появилось новое оружие, защитные системы, броня, двигатели...

– А какое оружие применялось во время войны? – продолжил наседать Кроль.

– Все виды. Все, что было. В том числе и ядерное. Ракеты, бомбы и прочее. У нас под Можайском знаешь какой кратер? Да и в центре Москвы воронка на воронке.

– Вот! – Кроль победно воздел палец. – А знаешь, сколько длится настоящая ядерная война? Восемь минут. Столько нужно, чтобы ракета поразила цель. Их никто не выпускает по одной. Дальше несколько дней агонии, и все.

– Ну, не знаю, – неуверенно протянул Тихон, – может, удары наносились локально. Там вначале много всякого было, когда НАТО развязало войну.

– Так не бывает, Тих. Германии понадобилось двадцать лет, чтобы восстановиться после Второй мировой. Она длилась всего четыре года, и у союзников не было даже половины того, что изобрели в двадцать первом веке. А здесь сорок лет. Сорок! Да еще все эти серые сыпи, лихорадки Семецкого – Харитонova и прочие радости. А вулкан в Мексиканском заливе, а землетрясение в Америке, а трагедия на Хоккайдо?

– Ну, хорошо, и что из этого следует?

– Как что? Я прямо тебе удивляюсь! Ты только что смотрел на орбитальные города. Разъезжаешь на танке с вечной термоядерной топкой внутри. Мы освоили Луну, осваиваем Марс. Я уже не говорю про технологию аватаров и прочие биопримочки – они вообще за гранью понимания. Откуда все это? После войн и лишений, про которые рассказывают наставники, мы должны были в пещерах жить, а вместо этого летим к звездам. И вот еще корпорации – откуда они вылезли? Как зародились?

– Да ты просто разуверился в людях!

Тихон хлопнул Кроля по плечу.

– Вовсе нет. Я знаю людей. Знаю, на что они способны. Но такой скачок после глубокого нокдауна... это выше понимания.

– Ладно, я понял, сейчас ты начнешь рассказывать про мировую закулису и заговор масонов. Мы это уже проходили, – махнул рукой Дежнев.

– Дьявол радуется, когда люди думают, что его нет, – пожал плечами Кроль. – Даже самые отмороженные рейдеры собирают свои тайные советы. Почему ты считаешь, что у других иначе?

Речь полицейского нарушил звук сирены.

– Ага! Началось! – воскликнул Кроль. – Сейчас пойдет потеха!

Он подошел к парапету, долго смотрел на город, над которым звучал сигнал тревоги. Потом повернулся к Тихону:

– Хочешь глянуть, как мои ребята работают?

– Ты ж через полицейский канал смотришь. Гражданских туда не пускают.

– Ничего, подрубайся ко мне, я открою доступ.

Тихон пожал плечами, и через несколько минут линзы его визоров транслировали сводку с полицейских камер.

Трясуны и правда были в городе. Их можно было отличить по неровной дерганой походке. Их было не менее трех десятков. Вооруженных до зубов головорезов.

Они заглядывали в бары, задерживались у входов в гаражи, цеплялись к прохожим. Арьергард пустынного воинства составляли три одноместных флаера и приземистая машина с большими, забранными металлом колесами.

– Вот эти самые опасные, – указал Кроль на машину. – Наверняка есть ракеты. И пушка, скорее всего, имеется. Вон, видишь кожух?

– И правда, пушка... погоди. Да это ж Рельсотрон! Уж очень форма похожа. Только как они на этом лафете стрелять будут, ума не приложу. Им же отдачей машину разорвет! – изумился Тихон.

– Вот и поглядим.

Кроль связался со своими людьми, предупредил насчет Рельсотрона.

Между тем первые трясуны уже приблизились к линии полицейского заслона.

– Этих пропустить, остальных задержать, флаеры и машину нейтрализовать, – распорядился Кроль, – давайте запускайте Мальвину.

Из бара наперерез идущим трясунам, пошатываясь, вышла миловидная девушка. На ней был вызывающий костюм из напыляемой ткани. При необходимости хозяин мог растворить те части одеяния, какие считал нужными. Девушка нанесла ткань очень тонким слоем, ее выдающиеся прелести едва ли можно было надеяться скрыть такой эфемерной преградой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.